

Источники вдохновения

В городе Ургенче я видел прошлым летом гигантское дерево — чинару. Старик-садовник ухватил меня, что дереву этому тысяча лет, и когда я высказал сомнение, он с лукавой улыбкой предложил: попробуйте обхватить его! Четверо присутствовавших при беседе товарищей, держа друг друга за кончики пальцев, с трудом обхватили древнюю и всегда молодую чинару.

Вот так же, как эта многовековая чинара, перешагнув через века, живут и будут жить в своих бессмертных творениях классики литературы.

Последнее время все чаще доносится с Запада голоса некоторых критиков, которые пытаются опорочить величие нашей советской литературы, приписывают ей «упадок», «вырождение», «стухание».

Обидно, что и в нашей среде кое-где слышны отголоски западных неонигилистов.

Нельзя обнять богатство духовного мира нашего народа, нельзя не видеть, что советская эпоха дала миру выдающихся мастеров художественного слова, таких, как Горький, Маяковский, Шолохов, Фадеев, Тихонов, Ладис, Корнейчук, Колас, Айбек, Ауэзов, Дмитрий Гуля, и многих других. Никогда не старей их творениям, как не старей нашему народу, породившему их!

На гигантском теле могучей чинары шестидесят корю слабые, высохшие ветви и листья. Листья появляются по весне, зеленеют, пошумят, прокроются осенью желтизной, как ржавчиной, опадут — и след их пропадет. Ветку большую, высохшую заботливый садовник отрезает, а недоглядит — ветер отломит ее и понесет прочь.

Есть в нашей литературе и такие произведения, которые напоминают листья, — засохшие, пошумят и исчезнут бесследно. Есть и такие, которые можно уподобить слабой высохшей ветке, — ветер времени уносит их в безвестность.

Недоговенна жизнь листа, но могучим стволам — чинарам стоять в веках вечно молодыми, полными жизни!

Старик-садовник рассказывал мне «секреты» чудо-дерева чинары: «У нас здесь земля очень плодородная, солнца у нас много, часто дует свежий ветерок, воздух чистый-чистый. А воду чинара из-под земли черпает — корни ее метров на двадцать расползлись во все стороны, глубоко в землю ушли».

Какой мудрый старик! Я слушала его, и в сознании моем звучало — земля у нашей литературы плодородная, советская действительность дает ей богатейший материал: поэзию вдохновенного труда строителей коммунизма, романтику героических подвигов простых советских людей во имя Родины и народа, конфликт побеждающего нового, молодого со старыми, отживающими свой век пережитками в сознании и быту людей.

Солнца у нашей литературы много — это свет ленинских идей, это вдохновляющий пример и призыв партии коммунистов, это новые горизонты коммунистического завтра.

Освежающий весенний ветер пронизывает нашу литературу, внося в творче-

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 21 (3677)

Суббота, 16 февраля 1957 г.

Цена 40 коп.

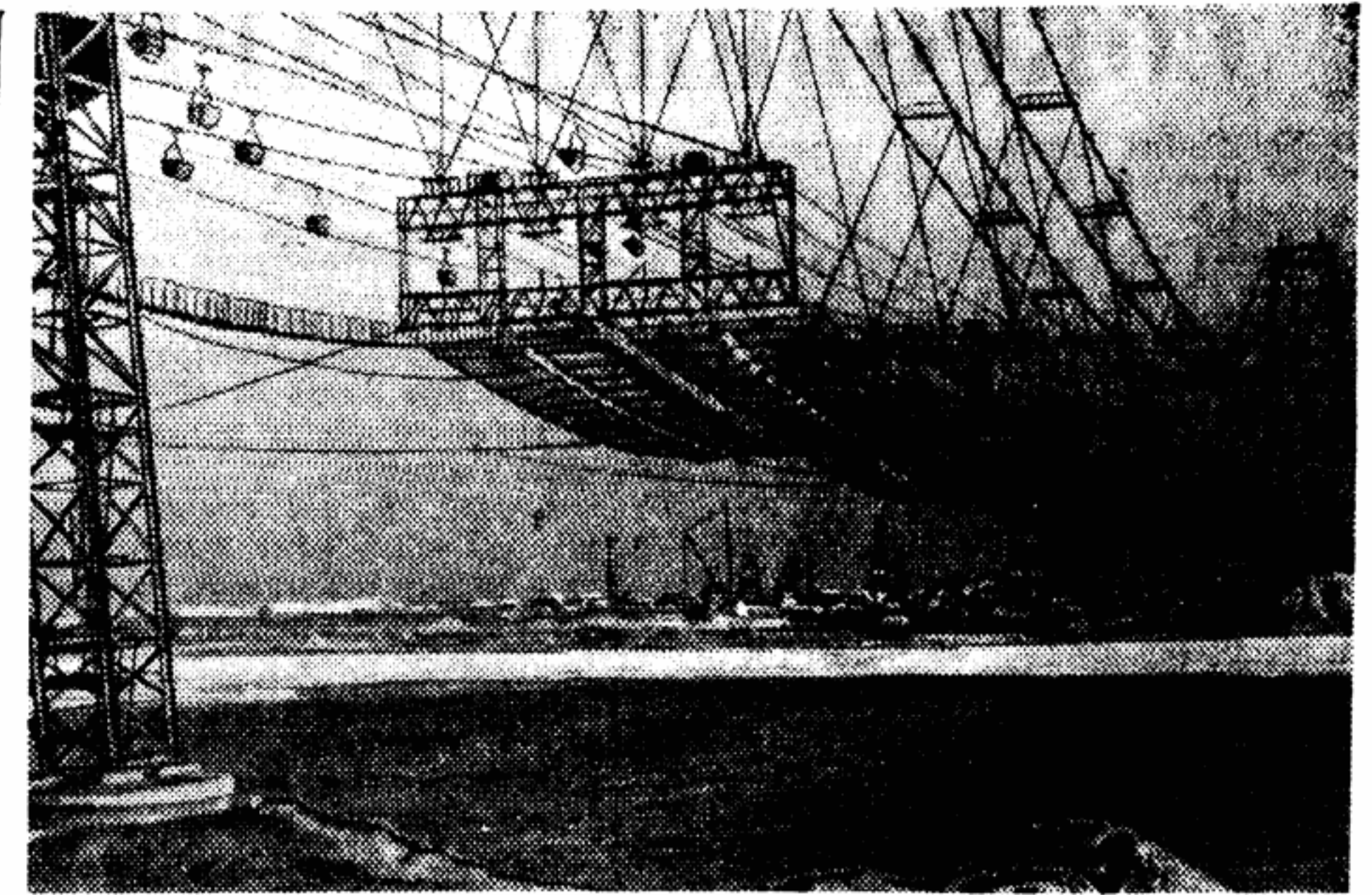
Пленум Центрального Комитета КПСС

13—14 февраля состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум заслушал и обсудил доклад тов. Хрущева Н. С. о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и

строительством и принял по докладу соответствующее постановление.

Пленум ЦК избрал тов. Козлова Ф. Р. кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС и тов. Шепилова Д. Т. секретарем

В создании волжского каскада гидростанций наступает новый этап. Заканчивается в этом году сооружение Куйбышевской ГЭС — ее мощность достигнет 2 миллионов 100 тысяч киловатт. Это дает возможность перебросить большой поток воды в обширный строительный под Саратов, где начинается сооружение новой гидроэлектростанции. В то же время ускоряются работы на Сталинградской ГЭС. На нашем снимке показана сооружаемая здесь подвесная канатная дорога через Волгу, соединяющая ее берега. Грузы, которые она принимает на правый берег, доставляются на продолжную перемычку котлована и на поймаемый бетонный завод. Канатная дорога приносит огромную пользу строителям, особенно во время ледостава и ледохода, когда сообщение между берегами нарушается. Фото А. Магелцова

скую атмосферу чистоту и ясность. Так же как свежий ветер приносит чистый воздух, XX съезд партии открыл перед ней новые горизонты, освободив ее от сковавшего влияния культа личности.

Руководство партии, партийность литературы — это душа советской литературы, это та живительная сила, без которой немилосердно нормальное бытие сердца нашей литературы. Жизненность ее — в народности, в отражении интересов народа, в беззаветном служении народу.

Иные писатели и критики в последнее время, не разобравшись, видимо, стали объяснять неудачи отдельных литераторов тем, что они-де пользовались методом социалистического реализма, что, мол, решения партии по идеологическим вопросам сковывали творческие силы и возможности писателей, ввели их в нелепую и схематичную. Это, в лучшем случае, — плод невежества или неумения глубоко выслушать в требования социалистического реализма.

Выступать против партийности литературы, против метода социалистического реализма — это значит отравлять литературу от ее почвы — от народа, от советской действительности.

Советские писатели были и останутся активными борцами за коммунизм. Они идут с партией, с народом, освещая светом ленинских идей и знаменем социалистического реализма. Они с честью выполняют свой патристический долг перед Родиной, перед народом.

Шараф РАШИДОВ

Возродим „Историю заводов“

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

писыванию воспоминаний, сами будут писать главы истории.

Не секрет, что многие литкружковцы не знают, как и куда направить свою молодую энергию, занимаются литературным школярством, порой не содействуя развитию их способностей. А вот участие в живом, большом деле может оказаться куда более полезной литературной школой!

На пороге сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции потребность в литературно-исторических книгах, показывающих в образах и в документально точных рассказах славный путь первого в мире социалистического государства, велика, как никогда. Естественно, что в годы первой пятилетки Алексей Максимович нацеливал литераторов на создание истории заводов и фабрик, не только строящихся, но и прошедших многолетний путь и являющихся как бы главными историческими памятниками в России. Этот раздел истории не теряет своего значения и важности сейчас. Но развитие и рост нашего государства вписали новые главы в мудрую историю народо-творца, в книгу нашей жизни.

Мы прожили четыре советских десятилетия, нашим юностям и девушкам кажется, что всегда были Магнитогорск и Кузбасс, они не знают потрясающих фактов «перехода» фабрик и заводов на восток в 1941 году, да и Волго-Дон имым из них уже кажется не новостройкой.

Большими шагами идет вперед в коммунистическое далеко наша Родина. Творимая история не успевает быть запечатленной.

Подробности событий, живые черты быстрого времени, не будучи собраны, в лучшем случае ложатся на поля архивов, покрываются пылью, теряют свой вкус и аромат. В двух томах «Рассказов строителей метро», например, говорится лишь о первой очереди этой стройки, социалистической по всей своей сути, являющейся примером, если можно так выразиться, индустриальной поэзией о человеке. Дальше история обрывается. Лишь мраморные доски в вестибюлах новых станций метро с указанием дат окончания строительства да быстро забывающиеся устные рассказы участников и очевидцев сохраняют память о замечательных трудовых подвигах. Ровесница Сталинградской победы — станция Новокузнецкая, например, была воздвигнута не только руками опытных мастеров, но и руками домашних хозяек, влившихся в поредевший коллектив метростроителей.

А станция и туннели Большого кольца! А беззаветная работа московских туннельщиков в разных концах страны! Сколько вдохновения, сколько поэзии, какое богатство социалистических черт, превративших тяжелый труд в творчество!

Не слышком ли небрежительно относимся мы к своей истории, поручая ее только архиву, а порой и не донося ее даже до архивных полок.

В фельетонах и пародиях уже стало штампом высматривать штамп рассказа или очерка, начинающегося со слов: «Здесь была степь и гуляла ветры» или что-нибудь в этом духе. Между тем эта фраза, действительно ставшая штампом, похожа на подобную ей, как похжи друг на друга дверные ручки. Но оторвишь дверь, и перед тобой жизнь — многообразная, каждый раз по-своему необыкновенная.

На строительстве Волго-Дона я подружился со старым грузным человеком, уставшим и замученным делами, начальником района. Я долго не мог найти ключа к это-

му человеку, он казался мне мрачноватым, а порою даже огульным. Но однажды, ноуя в его котельке, я увидел над легкой раскладной койкой начальника печатное расписание железнодорожных поездов. Мой знакомый безвольно жил в донской степи, и непонятно было, зачем ему расписание далеких дорог. Название одной из станций было подчеркнуто красным карандашом. Эта станция появилась в расписании лишь несколько лет назад, благодаря стройке, породившей новый город. А стройку начал владелец раскладной койки, по суткам пропадая в пору нашего знакомства на шлюзе. Начальник преобразился, когда я заметил его расписание, обещал мне рассказать о своем городе, но разговор все откладывался за текущими делами. Недавно я узнал, что начальник района, уже на стройке одной из волжских электростанций, умер от разрыва сердца. Он так и не успел рассказать о главном деле своей жизни.

Как нужен, как дорог был бы его рассказ, и ничего страшного не было бы в том, что первой фразой прозвучало бы снова: «Мы приплыли в голую степь, где гуляла ветры...»

В горьковской идее «Истории фабрик и заводов» намечалось не только мемуарное и художественное воспроизведение прошлого нашей индустрии. Чрезвычайно важно с историческим взглядом подойти к событиям повседневной жизни наших заводов и фабрик. Это может иметь очень серьезное воспитательное значение для новых поколений рабочего класса.

Есть у нас заводы, рабочий состав которых больше населения солидного города. Как хорошо и полезно было бы иметь в заводском книжном магазине книгу истории, иллюстрированную портретами героев строительства и производства. Нет никакого сомнения в том, что эта книга займет почетное место в библиотеке каждого кадрового рабочего, будет содействовать формированию заводской гордости.

Быстро теряются и пропадают факты истории наших лет, мы не успеваем унять даже за событиями сегодняшнего дня. Есть необходимость освещать историю исторический материал нынешних строителей, чтобы не только многотиражная газета была памятником трудового подвига советских людей. Как хорошо было бы иметь на заводах и стройках группы летописцев, привлекающих к своей работе широкий рабочий актив! Совершенно очевидно, что организаторами такой работы должны стать писатели и журналисты. Это поможет теснее связать литераторов с жизнью.

Мы часто вспоминаем о том, что «Энергия» Федора Гладкова и «Время, вперед!» Валентина Катаева, «Соть» Леонида Леонова и «Дель второй» Илья Эренбурга, «Кара-Бугага» Константина Паустовского и «Гидроцентрале» Маршанта Шагинян были созданы в результате длительного пребывания писателей в новых для них местах, в самой гуще жизни, в центре событий, наиболее полно выражающих направление эпохи. Стоит ли напоминать о том, что лучшие произведения о Великой Отечественной войне были написаны писателями, состоявшими в кадрах Советской Армии, выполнявшими повседневную работу, которая была связана с теми или иными задачами фронта и фронтовой обстановки. Специального «сбора» материала не происходило, материал накапливался как бы естественным образом.

Сразу же после завершения Великой Отечественной войны группе литераторов было поручено собрать рассказы военных,

составить книгу «Штурм Берлина». Я принял участие в этой работе и помню,

что уже через два месяца после возвращения знамени Победы на рейстаге оказался очень сложным делом собрать воспоминания участников боев: одни демобилизовались, другие переменили свою часть. Однако эти «поиски героя» исполнять стали для нас, собиравших воспоминаний, особенной школой: мы еще лучше, глаже узнали нашу армию, вышедшую из войны с великой победой.

Конечно, можно рассматривать работу по истории фабрик и заводов, по истории Советской Армии, истории колхозов и совхозов как нечто, отличное от собственно литературного творчества. Это будет и правильно, и неправильно. Меня не так поймут те, кто решит, что я призываю всех литераторов заниматься работой по сборанию фактов, рассказов очевидцев, эпизодов и так далее. Конечно, речь идет об одной из форм литературной работы, но нет никакого сомнения в том, что это стало бы жизненно важным делом для многих писателей, старых и молодых.

Поднимая в 1935 году вопрос о создании книги «Две пятилетки», Алексей Максимович так определил значение участия писателей в этой работе: «...Каждый литератор в процессе этой работы получит возможность приобрести комплексное знание о жизни своей родины, о ее всемерном росте, об изумительном разнообразии характеров и типов ее людей».

Книга «Две пятилетки» так и не появилась, но работа над сбором материалов для нее была большой школой для многих литераторов. Быть может, эту работу следует продолжить, создав теперь книгу «Пять пятилеток»?

В практике Союза писателей получили довольно широкое распространение творческие командировки. На них отпускаются ежегодно большие средства. К сожалению, многие творческие командировки носят эскизционный характер, не играют почти никакой роли в судьбе писателя. Создание истории заводов и строек может стать одним из важных общественных дел для советских литераторов. Постоянная связь со строителями, с коллективами заводов может сыграть роль в жизни и судьбе писателя, может подсказать ему сюжеты и темы для произведений большой и малой формы. В литературе не существует деятельности первого, второго и третьего плана. Все зависит от отношения художника к своему делу, от того, будет ли он работать на полную мощность или в полсилы, в полудни.

Понятия, хотя и не всегда справедливы, читательское нетерпение, те упреки, которые нам так часто приходится слышать: «Где роман о Куйбышевской ГЭС? Где поэмы об освоении целины?» Думаается, что не просто и не сразу создаются такие книги, но мы должны подготавливать условия для их создания; и одним из таких условий является работа литераторов в гуще сегодняшних событий, с историческим подходом к этим событиям, с историческим взглядом на них.

Наш народ любит и ценит свою историю, историю первого в мире социалистического государства; история его строительства имеет не только внутреннее, но и международное значение. История наших строек, наших заводов, выросших и растущих, воплощенная в разнообразной литературной форме, сыграет свою роль в воспитании новых поколений советских людей. Это задание мы в силах выполнять лишь в тесном сотрудничестве с историками, лишь при горячем участии коллективов заводов и строек.

Горьковская идея создания истории заводов должна быть возрождена, должна стать одной из важных частей деятельности Союза писателей.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

На днях в издательстве «Московский рабочий» вышла в печать трилогия М. Горького: «Детство», «В людях» и «Мои университеты».

В ближайшее время двухсотстраничным тиражом выйдет большой сборник советской песни: в подготовке его и печати принимали участие писатели, поэты и группа московских композиторов.

В том же издательстве сданы в производство: богато иллюстрированный том русских народных сказок (объемом 25 печатных листов) с одноименным произведением А. Сергеевича и Ю. Крылова, «Педагогическая поэма» А. Макаренки, избранное А. Твардовского, книга художественных очерков Я. Фомкина «От стен Иерусалима» и «Рассказы о старой Москве» А. Быкова, в которой часть произведений публикуется впервые. В новом, значительно расширенном виде переиздается книга Н. Родионова «Москва в жизни и творчестве Л. Н. Толстого».

Впервые «Московский рабочий» готовит к изданию сборник художественных произведений рабочих-авторов. С участием Московского отделения Союза писателей подготовлены к печати сборники произведений членов различных литературных объединений: «Вальцовские» и «Вальцовские» Р. Сарцевича — фрезеровщика Автозавода имени Дзержинского.

Большинство этих книг выпускается в сокращенном и сокращенно сокращенной версии. Кроме того, в этом году появится книга художника П. Родионова «Родная сторона» — о природе Подмосковья, с большим количеством иллюстраций автора. Историю одного из старейших русских фарфоровых заводов и его мастерам посвящена книга Ю. Абрама «Вердилин» — фарфоровый городок; книга иллюстрирована рисунками автора и главного художника завода Е. Смирнова. В общей сложности издательство «Московский рабочий» даст в нынешнем году читателям тридцать книг по разделу художественной литературы. Большая часть их выпускается массовыми тиражами — от ста до двухсот тысяч экземпляров.

«ДОМОВОДОСТВО»

Под таким названием государственное издательство «Сельхозгиз» выпустило в продажу книгу, которая отвечает на практические вопросы, связанные с жизнью и бытом колхозной семьи. В книге встретят много поучительных советов и жителей городов.

Книга имеет девятнадцать разделов. Читатели найдут здесь много сведений о том, как ухаживать за детьми, украшать жилище, оказывать первую медицинскую помощь. Большое место отведено кулинарным советам, заготовкам и хранению продуктов, ошей и фруктов. Издание снабжено многочисленными рисунками. Здесь и фотографии цветов, рекомендуемых для комнатного и приусадебного цветоводства, и рисунки для вышивания, и много фасонов плетей.

Крепнет болгаро-советская дружба

В далеком прошлом уходят традиции дружбы русского и болгарского народов. Эта дружба окрепла на полях сражений с общим врагом, ею жило не одно поколение болгарских революционеров, ее воспевало не одно поколение поэтов. С какой любовью говорил о России Иван Вазов:

Россия! Свято нам оно,
То имя милое родное,
Оно, во мраке оное,
Для нас надеждою полно.

Любовь к русскому народу чувствуется в нашей стране на каждом шагу. Она в ласковой улыбке, с которой болгарин слушает русскую речь, в многочисленных памятниках, воздвигнутых в честь русских воинов, погибших за свободу Болгарии в 1877—1878 гг. На туманной вершине Шипки сооружен огромный каменный вазовед, в центре нашего Плевена высится скульптура, изображающая русского героя, освободившего город от турок; по берегам Дуная, вплоть до города Свиштова, по всем долинам и горам страны — повсюду встречаем мы то высокие, то небольшие пирамиды в честь русской воинской славы, русско-болгарского братства. Местами они потемнели от времени, но в сердцах народа любовь и уважение к русским растут и крепнут из года в год!

Любя русский народ, его великую культуру, мы еще больше любим и ценим то, что совершают сегодня народы СССР.

Проникновенно писал наш пролетарский поэт Христо Смирненский о советских людях, которые «первыми вышли на войну», а мужественный революционер Никола Вапцаров восклицал:

— Долой террор!
— Союз с СССР!

Мечты поэта о дружбе и союзе с великой Советской страной осуществились. День 9 сентября 1944 года стал переломной вехой в истории нашей родины. С этого дня наш народ пошел рядом со своим старшим братом по светлому широкому пути социализма.

Если за такой короткий срок мы достигли гигантского для наших масштабов развития промышленности, то этим мы обязаны Советскому Союзу. Благодаря его помощи мы становимся действительными хозяевами земли и мастерами урожая. Опираясь на достижения советского народа, мы развиваем свою национальную социалистическую культуру, науку и технику.

Недавно в Плевенском округе по инициативе трудящихся был проведен месячник болгаро-советской дружбы. В дни месячника по селам и городам округа проходили многочисленные собрания рабочих и крестьян. Общегородской лекторий организовал в читальне имени Георгия Димитрова собрание, на котором выступил председатель окружного народного совета Стойчо Петров.

ПЕРЕД величественной датой сорокалетия Октября невольно оглядываешься на пройденный государством и народом путь, с гордостью думаешь о настоящем и будущем нашей Родины и о прошлом — о пятилетках.

Вспомним первую пятилетку, которая так увлекла на свои стройки молодую нашу литературу во главе с ее корифеем Горьким. Среди замечательных начинаний Алексея Максимовича Горького, сыгравших важную роль в развитии советской литературы, видное место занимает «История фабрик и заводов». Идея создания истории фабрик и заводов родилась у Горького в эпоху первой пятилетки. Алексей Максимович писал:

«Нам необходимо изучать нашу действительность во всем ее объеме, нам нужно знать в лицо все наши заводы и фабрики, все предприятия, все работы по строительству государства. Надо подробно, всесторонне знать все, что нами унаследовано от прошлого, и все, что создано за четырнадцать лет, создается в настоящем».

Почти Горького, его энтузиазм захватил многих писателей, и не только писателей, но и непосредственных участников строительства — творцов истории.

Книги, изданные в ту далекую пору, невозможно без глубокого волнения раскрыть сейчас.

«Люди Сталинградского тракторного, работа Якова Ильина, завершена Борисом Галиным, и поныне по праву считается одним из интереснейших произведений нашей литературы. (Кстати, она широко известна и в Китае)».

Давно не переиздавались, но сохранились в памяти такие книги, как «Были горы Высокой» или «Моя жизнь» А. Коревановой.

Для многих писателей история заводов была их литературной колыбелью. Много потрудились в тридцатых годах и историки: литература и историческая наука шли плечом к плечу.

Более двадцати книг вышло в свет, и трудно сейчас определить, к какому литературному жанру следует отнести эти произведения. Здесь сплелись и очерк, и рассказы, и научное исследование, и мемуары, и литературная запись.

Драгоценные черты времени живут, например, в такой замечательной работе, как «Рассказы строителей метро» (литературная редакция А. Гарри, А. Зуева, Л. Касиля, Л. Никитина, Я. Рыкачева и В. Шклового). Чтение таких книг очень волнует, в них отразились важные черты жизни и развития нашего общества.

Многие горьковские начинания закрепились в нашей общественной и литературной жизни. К сожалению, после смерти Горького была свернута работа по истории фабрик и заводов. Перед войной и в послевоенные годы лишь несколько книг, созданных в традиции «Истории заводов», увидело свет. Я назыву рассказы строителей Волго-Дона, изданные в Сталинграде, рассказы ткачей Трехгорки. К столетию Сормовского завода группа писателей подготовила литературно-исторический сборник, но почему-то издательство «Советский писатель» книги не выпустило.

Сейчас на некоторых заводах, например на Кировском в Ленинграде, возобновляется работа по созданию истории. Из газетного сообщения явствует, что в этом деле принимают участие бывшие путевые — литератор, педагог, старые производственники.

Думается, что литературные объединения и кружки, имеющиеся на многих заводах, значительно оживят свою деятельность, если начинающие литераторы примут активное участие в собирании и за-

Сотни трудящихся города с огромным интересом слушали его увлекательный рассказ о стране строящегося коммунизма, о Москве — сердце Советской страны, о городах-героях Ленинграде и Сталинграде, об Ульяновске, родине великого Ленина. Стойчо Петров рассказывал про Куйбышев, и каждый болгарин вспоминал о том, что жители старого русского города Самары во время освободительной войны поларили знамя болгарского ополчения.

В каком бы городе или селе ни проходили подобные собрания, везде можно было услышать оны и те же слова: благодаря бескорыстной помощи великого Советского Союза мы строим свое социалистическое будущее, мы уверенно смотрим вперед, потому что верим в дружбу со своим старшим братом и освободителем.

Христо ХАРАЛАНОВ,
заместитель редактора
газеты «Септемврийска победа»

ПЛЕВЕН

ЛАМАР ДЕВЯТОЕ СЕНТЯБРЯ

Как буря, советские мчались
танксты,
Дунай перешли, чуть забрызжал
восход,
С цветами осенними утром
лучистым
Гостей долгожданных встречал наш
народ.

Спустился с гор партизаны-герои,
Село за селом выходило на бой,
Сентябрь! Он вознес наше знамя
родное,
И рухнул народам проклятый
строй.

Советы несли нам и дружбу
и братство.
Мы видим веселых, счастливых
детей.
Ликуй, моя родина! Наше богатство
Комбайн собирает с широких
полей.

Государственным издательством художественной литературы выпускается в свет обширная «Антология болгарской поэзии». Она включает образцы народного творчества и произведения болгарских поэтов прошлого и наших дней. Мы публикуем сегодня одно из стихотворений, вошедших в антологию. Его автор — Ламар — известный болгарский поэт.

И новые песни приносит нам ветер
Со старых Балкан, где заводы
растут,
Не может быть большего счастья
на свете,
Чем наш осенний знаменами
труд.

Нам стали теперь и милей
и дороже
Сады, виноград и поля табака,
И счастье влюбленной в свой труд
молодежи
С глазами сияющими — у станка.

Колонны! Там тысячи девушек
строительных,
И матери держат в объятиях
детей,
И небо в штыках отразилось
спокойных —
И все это песнь твоих будущих
дней.

Так радуйся, родина! Бурное
пламя
В груди у тебя — от лучей
Сентября,
Народ, вдохновленный большими
делами,
Выходит на стройку, отвагой горя.

Сентябрь, ты создатель и шахт
и заводов,
В отчизне моей твоя сила растет.
И буди бороться за мир и свободу
Свой труд полюбивший болгарский
народ.

Перевел с болгарского
А. ГАТОВ

СОКРОВИЩА КАРЕЛЬСКИХ НЕДР

ВЫСОКИЕ стены из потропанного мрамора напоминают дворцы. Но это не дворцы и не палаты. На пожелтевших доносках шум моторов, глухие удары по железу.

Неужели за стенами из мрамора, из которого вытесали всех времен и народов создавшие величайшие произведения искусства, расположена металлургическая мастерская? На память приходит участок торжественной соды, в поселок Рускеала, тогда усталый мрамором.

— Что же это за чудо?
— Обыкновенное... — Человек в замаскированной лосиной шапке встает темным силуэтом на фоне светлой и величавой прожженной стены. — Обыкновенное... — повторяет он, привычным жестом пряча галстук в нагрудный карман спенки. — Мастерская тут... Строили из отходов. Когда-то добывали тут мрамор... Вот и использовали отходы, чтобы не звалились вря.

— А сейчас разве не добывают?
— Сейчас карьер в ином месте. Теперь делают известь.

— Из мрамора?
— Да! Для бумажно-целлюлозных фабрик.

Геолог Владимир Алексеевич Соколов, научный работник, изучающий недра Карелии, показывает нам местные чудеса и загадки.

— Сначала погляди на старые, заброшенные ломки... — говорит Соколов и ведет в гору по тропинке, где приметной на мраморной осыпи. Похоже на куски сахара, крупные осколки со звонким хрустом сыплются из-под ног.

Вбираться по такой осыпи — все равно, что шагать по ступенькам эскалатора, бегущим навстречу. Все же, наконец, удается добраться до вершины осыпного нагромождения. Взгляд еле охватывает поросшие лесом края бездны, ее сверкающие на солнце бескрайние стены с порубленными циклопическими арками. На нем выработке гудеет зеркало озера; в нем отражаются серебристые облака и сосны.

— Раньше здесь добывали мрамор взрывами, — поясняет Владимир Алексеевич. — Год от года вырывается глубже и глубже в землю... Но потом инженеры задумались: зачем взрывать камень по вертикали — на-гора, если можно разрабатывать его на поверхности. Развели новое месторождение, где порода залегает на десятки метров в глубину и далеко вокруг. Запасы неисчерпаемы, мрамор отличного качества. Теперь ломают только верхние пласты породы — по горизонтали. Быстро и дешево!

Проклятый свисток прерывает разговор, заставляет взглянуть на подножие горы. Там паровоз тянет платформы, груженные щебенкой.

— Отходы... — объясняет Соколов. — Мелкий камень, негодный для известковых печей. Накапливается — девать некуда. Хорошо, дорожники выручают, вывозят куда-то для своих нужд.

ПОЧЕМУ судьба так неблагоприятна к благородному минералу, из которого создано столько величайших произведений искусства? Неужели красота его стала неужелюбной и должна навеки отступить перед более важным прозаическим делом?

Талантливые карельские мастера умели изготовлять из мрамора множество художественных бытовых предметов: вазы, подставки для часов, шахматные доски, пепельницы, различные мелкие украшения.

А сейчас красивейший минерал используется только для изготовления известки. Почему? Этот вопрос невольно возникает, когда наблюдаешь за работой новых Рускеальских ломок.

Сквозь стволы поредевших сосен видно открытое, похожее на полигон поле. Здесь,

А. ТАЛАНОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

как на настоящем полигоне, есть капище для защиты людей от каменного обстрела во время очередного взрыва, когда градом падают осколки.

Взрыв... И, как обычно при взрывах большой силы, земля выдыблалась и поднялась гигантским грибом, а над всем нависло облако то ли от дыма взрывчатки, то ли просто от пыли.

Не удивительно, что возникли разговоры о «трещиноватости» рускеальского мрамора. От таких взрывов, небось, и сталь станет «трещиноватой»...

Еще не рассеялось пыльное облако, как из боковой просеки ринулись мощные автосамосвалы. Экскаватор схватывает огромные камни, с неожиданной ловкостью поворачивается в сторону подвешенного самосвала и разжимает свои стальные челюсти. С грохотом сыплет камень. Началась погрузка...

Когда разговор заходит об использовании местного мрамора, любят ссылаться на отсутствие транспорта. Но эти доводы не убедительны. Ведь даже более стал лет назад, при полном бездорожье, не имея машин, пользовались только «стягивой силой», из Карелии сумели вывезти 27 крупных монолитов малинового шопкинского порфира. И не куда-нибудь за сотни километров, а в Париж для саркофага над могилкой Наполеона Бонапарта.

Ярко светит полуженское солнце. Вокруг — лесной покой. Все расплывается скорее в лирике, чем в беседе о камнях. Однако у молодого ученого, видно, на душе так наболело, что он не может не высказаться.

— Ювелирные камни принято считать драгоценными, — говорит Соколов. — Драгоценность их условна и относительна. Все же сначала скажу о них. Гранат... Все знают, этот темно-красный камень особенно красив в браслетах, ожерельях, перстнях. Но специалисты ценят гранат и как абразив для шлифовки и полировки. Ведь гранат очень тверд, он может оставить царапину на стекле и даже на кварце. Неумолимый разведчик новых месторождений профессор Борисов открыл богатейшие запасы граната на побережье Белого моря.

Собеседник закуривает папиросу и, пыхнув густым клубом дыма, продолжает с нескрываемой досадой:

— В устье реки Шуи несколько лет назад начали было заниматься гранатовой породой. Заготовили целые штабеля. Ленинградская фабрика «Русские самоцветы» отобрала там для шлифовки множество отличных камней... И что вы думаете? На этом все дело и кончилось!

Камни Карелии очень разнообразны по расцветке. Нежно-голубой «луговой камень», фиолетовый хрустально-аметист, «пшеничный камень», названный так потому, что на его дымчато-серых кристаллах проступают закорючки, похожие на древние письмена. Карелия может в избытке снабжать этими минералами ювелиров и художественных мастеров. Или возьмем, к примеру, самый простой пегматит, из которого изготавливают фарфор. Чем только не делают из него: чашки, тарелки, шпатель, изоляторы, выключатели и множество других предметов электротехники. Химики не могут обойтись без фарфора, стойкого против действия щелочей и кислот. Зубные врачи не могут без него лечить зубы. Кажется, нет такой отрасли, где бы не требовался фарфор. Так вот этого самого пегматита здесь, как говорится, девать некуда. Карелия снабжает им всю фарфоровую промышленность страны. Но

в самой Карельской АССР по сих пор нет ни одного керамического предприятия. Разве это по-хозяйски?

Особенно же богата республика гранитом. На выбор, любого цвета. Есть в Карелии и своеобразный минерал, который геологи иностранцев открыли в Завонье воле Шунги и потому назвали его шунгитом. Шунгит черен, смолит, блестящий, похож на антрацит. И в самом деле, он вполне годится как топливо и для газификации. Кроме того, шунгит — отличный удобрение для наших полей и превосходный строительный материал — заменитель цемента. Сейчас, когда декабрьский пленум ЦК КПСС с особой остротой поставил вопрос о разрывании промышленности строительных материалов, настала пора заняться изучением нового материала.

В Карелии огромные залежи природных красок: охры, мумии и сурки. Добыча красок также не организована.

Давно когда-то, еще в Петербурге, существовал заводик, изготовлявший из шунгита типографскую краску высшего сорта — «слоновью кость». В двадцать летых годах было налажено производство черных красок в самой Шунге и в Шетрозовске. Дело не пошло на лад, и его забросили... Тогда техника находилась в младенческом состоянии. А теперь, когда у нас выросла и окрепла горноуральная и химическая промышленность, — разве можно не использовать такие великолепные природные залежи?

ЧТОБЫ выяснить эти вопросы, мне пришлось побывать в ряде республиканских организаций.

— Строительство, особенно жилищное, приобретает у нас все больший размах, — сказал начальник управления по делам строительства и архитектуры Совета Министров Карельской АССР тов. Соломонов. — Потребность в таких материалах, как камень и известь, очень велика. Но слабые организации плохо удовлетворяют нужды наших строек.

Иное пришлось услышать в Министерстве местной промышленности, кстати, находящемся рядом, в том же доме. На вопрос, как используются местные ресурсы для строительных материалов, заместитель министра тов. Павлов ответил буквально следующее:

— Известь никому не нужна!
— Как так?
— Да, да! Мы заготовили 900 тонн, но никто ее не берет.

— Ну, а что делается для изготовления минеральных красок?
— Ничего... Хотя мы имеем некоторые идеи... Хотим, например, построить завод красочной завод... Правда, пока к этому делу еще не приступали...

— Известь, заготовленную местной промышленностью, — сказал главный инженер управления промышленности строительных материалов тов. Патрик, — действительно не берут, так как она находится «в глубинке». Строители предпочитают получать известь нашу прямо из вагонов. Мы делаем ее возле Беломорска и в Архангельской области. Привозим оттуда.

— Далековато...
— Что поделаешь, потребность в вяжущих материалах выросла колоссально.

— А как насчет шунгита? Собираетесь разрабатывать?
— Нет, шунгит — не наш профиль. Этот интересный минерал следовало бы заняться местной промышленностью.

Недостаточно внимание и несогласование действий местных организаций — вот главное, что мешает использованию богатств карельских недр.

Устранить это препятствие, право, не трудно. А природа тогда бы вознаградила строителей...

ПЕТРОВЗОВСКО

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «МОНКА-ГОРБУНКА»

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«ИЗБРАННОЕ» КАЛИДАСЫ

В прошлом году народы Советского Союза отметили одну из главных в истории мировой культуры дат — юбилей великого поэта Индии Калидасы, творчество которого живет вот уже полтора тысячелетия.

Произведения Калидасы стали известны в Европе в XVIII веке: первый русский перевод его сочинений появился в 1792 году. Он принадлежит известному нашему поэту Н. Карамзину, опубликованному в серии «Сказки».

На днях Государственное издательство художественной литературы выпустило «Избранное» Калидасы, включающее его драмы «Малликина и Агнимитра», «Сакунтала», «Мужеством добытая Урбаси» — в переводе Н. Карамзина и поэму «Облачно-восточный перевод П. Риттера». Книга оформлена художником В. Элькинским.

«САД И ВЕСНА»

Мир Амман — индийский писатель, начал XIX века. Его «Сад и весна» — одно из первых прозаических произведений на языке урду, получивших широкое признание. В удивительном художественном и философском смысле «Сад и весна» — это своеобразная форма восточного романа, граничащего с волшебной сказкой.

Интересна история названия книги: название «Сад и весна» — это перевод с арабского алфавита обозначает одновременно и определенное число. Сумма чисел в названии книги, входящих в слова «Сад и весна», составляет 1217 — год написания этого произведения (по мусульманскому летоисчислению). «Весной, кто прочтет эту книгу, слове совершит прогулку по саду», — пишет автор.

Вам, юные романтики!

О выходе нового журнала я узнал случайно. Поздней осенью прошлого года мне пришлось быть во Владимире. Ожидая троллейбуса на заводской площадке, я увидел, как стайка школьников, торпливо соскочив с подожженной машины, бегом направилась к газетному киоску. Нескольких голосов одновременно прокричало, обращаясь к киоскерше: «Второй номер «Юного техника» есть?»

Как были огорчены ребята, получив отрицательный ответ! С любопытством я спросил одного школьника:

— Что же в этом журнале интересного?
— Все интересно!

— Какие статьи есть, что от них не оторвешься, — добавил другой. — Почти все новое. Есть такие вещи, что о них даже взрослые не знают.

С мысленно согласился с юными рецензентами. Да, в новом журнале было много страниц, из которых не оторвешься, тех страниц, что обогащают знаниями и самое главное, зарождают желание изведать, дерзнуть, создать.

Знакомая с журналом, я понял, почему с таким нетерпением ждали юные читатели выхода второго номера. Ну, как сдержат любознательность, когда разговор идет о том, как советские академики И. Е. Тамм и А. Д. Сахаров создали атомную бомбу, в котором хранится «звездное вещество», когда рассказывается об «оборванных ядрах» и таких термодинамических реакциях, над тайнами которых еще не приподняли завесу.

Редакция журнала правильно поступила, открыв первый номер содержания, в котором первым делом Олег Писаржевского «Как было изготовлено звездное вещество». А вслед за этим — беседы с академиками, технологами, новаторами, очерки, рассказы и даже сказки,

которые вводят юных читателей в удивительный мир науки и техники, при этом стараются далеко за пределы школьных программ.

Вместе с инженером Б. Левитиным читатель улетает в заоблачные высоты с такой стремительной скоростью, что даже воздух вокруг воздушного корабля начинает сжиматься. И одновременно читатель восхищается, когда геологи по методу академика А. П. Виноградова, с помощью скромных цветков разведывают месторождения никелевых руд, залежи золота и вольфрама, хрома и урана.

Трудно пересказать все интересное, что опубликовано в четырех номерах «Юного техника» за 1956 год. Для этого пришлось бы аннотировать добрую половину всех статей и очерков.

Но в журнале не только статьи, очерки и рассказы, в нем «клуб», «лекторий», «музей», «экскурсионное бюро», «мастерская»...

Во все отделе журнала определены свой жанр, не все статьи написаны занимательно и доступно. Не отвечают задаче журнала статьи и в разделе экскурсий. Авторы материалов помещенных в этом разделе, оказались

в довольно затруднительном положении. На двух-трех страничках они должны были рассказать о множестве сложных машин и станков, механизмов и приспособлений. В результате вместо интересных экскурсий — сложный перечень машин, который у юного читателя вызовет сто тысяч «как», сто тысяч «что», сто тысяч «почему».

Литературный отдел журнала еще не оформился. В нем замечательная сказка о мыльных пузырях Евгения Пермака.

Интересные рассказы авиаконструктора А. Яковлева, токаря В. Семинского принесли бы еще большую пользу, если бы в них шла речь не только о пути и профессии, но и о перспективах ее.

Журнал молод, он в процессе становления и поисков своего лица. Это дело сложное и многотрудное. Оно не завершится даже с выходом, скажем, двадцатого или двадцать пятого номера, но уже сейчас ясно, что журнал делает большое, полезное дело. Самое главное, что страницы его привлекают юных читателей романтической любовью к технике, с которой они не расстаются на протяжении всей жизни. И напрасно некоторые педагоги предлагают сделать журнал «подсобным изданием» для школы: помещать в нем задачи по физике, химии, математике, чертежи моделей самолетов, паровозов, тракторов. Этим занимаются другие издания.

Хочется пожелать, чтобы наши полиграфисты лучше оформляли журналы для юношества. Краски в «Юном технике» алые, а буквы не выразительны и нередко искажают представления о натуральном цвете вещей.

Георгий МАРГИН

В МИНИСТЕРСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ СССР

В соответствии с поручением Правительства Министерством государственного контроля СССР произведена проверка выполнения министерствами и ведомствами решений Совета Министров СССР о неоплаченных загрязнениях рек и других водоемов неочищенными промышленными сточными водами.

В результате проверки установлено, что предприятия ряда министерств, в частности предприятия Министерства нефтяной промышленности СССР, Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР, Министерства химической промышленности, Министерства черной металлургии СССР, Министерства цветной металлургии СССР и Министерства легкой промышленности СССР, не принимают должных мер в выполнении решений Правительства СССР об очистке промышленных сточных вод, что наносит серьезный ущерб народному хозяйству, особенно рыбной промышленности.

Предусмотренные планы строительства очистных сооружений является неудовлетворительно, а выделенные на эти цели средства полностью не осваиваются.

В связи с невыполнением работ по строительству очистных сооружений загрязняются воды реки Волга в зоне гг. Ярославля, Куйбышева, Саратов и Сталинграда, реки Днепр у гг. Запорожья, Херсона, Днепрпетровска, а также водоемы в зоне г. Риги. Допускается значительный сброс неочищенных промышленных сточных вод в зоне г. Омска.

Главная государственная санитарная инспекция Министерства здравоохранения СССР неудовлетворительно выполняет свои функции по санитарной охране водоемов и не обеспечивает контроля за выполнением соответствующих решений Правительства. Между тем Главная государственная санитарная инспекция и ее местные органы должны нести ответственность за неслабый надзор в отношении санитарного состояния рек.

В ходе проверки Министерством государственного контроля СССР обращено внимание руководителей ряда министерств и предприятий на необходимость ускорения выполнения решений Правительства СССР об очистке промышленных сточных вод и о санитарной охране водных источников. Одновременно с этим Министерством государственного контроля СССР наложены дисциплинарные взыскания на некоторых руководящих работников, виновных в нарушении решений Правительства СССР о прекращении загрязнения рек. В частности, объявлен выговор управляющему трестом Министерства строительства предприятий нефтяной промышленности г. Визария, заместителю директора Ярославского нефтеперерабатывающего завода г. Дарья, директору Сталинградского гидроэлектростанции Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР г. Мартшу, строгой выговор — директору Кемеровского коксохимического завода Министерства черной металлургии СССР г. Комнону, директору завода Министерства легкой промышленности СССР г. Анкудинову и некоторым другим должностным лицам.

Факт отказа со стороны магазина № 39 от литературы, заказанной Главлитом в Новосибирском издательстве, действительное место.

Однако следует отметить, что авторы статьи допустили некоторые неточности. В статье говорится, что в 1956 году Москвитин «не сделал ни одной заявки на книги сибирских издателей». В действительности по тематическому плану Новосибирского книжного издательства на 1956 год Москвитинотом было заказано различной литературы на сумму 574 тыс. рублей.

Кроме того, магазин № 39 Москвитинотом (ВХВ) было в 1956 году заказано различной книги, всего 28 400 экземпляров. В 1956 году были сделаны заказы и другим сибирским и дальневосточным издательствам. Центральным издательством Москвитинотом в 1956 году заказано 45 названий книг о Сибири. Это главным образом краеведческая и сельскохозяйственная литература. Книга «Слово о Сибири» была заказана Новосибирским книжоторгом в количестве 500 экземпляров еще в январе 1956 года.

В целях усиления связи с книжными издательствами Сибири Москвитинотом запрошена от них широкая информация о выпускаемой в 1957 году литературе. Тематические планы сибирских издательств на 1957 год будут внимательно изучены, и на все книги, которые будут пользоваться в Москве спросом, будут даны заказы.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«Книги о Сибири — читателям»

Под таким заголовком в № 115 «Литературной газеты» за прошлый год была напечатана статья К. Лисовского, Е. Лучинского и С. Омбыш-Кузнецова. Как сообщила редакция директор Москвитинотом С. Поливановский, в статье правильно и своевременно ставится вопрос о необходимости усиления торговли в Москве литературой о Сибири.

А. Серов в Феофиле Толстом и его критической манере видел образ и явление типичное, но, как известно, нашел Феофила, например, и во... Франци (Парижский Феофилич). Феофилич, как тип музыкального критика, перевелся на нашей земле. Но их манера, стиль критики в виде узкого, скучного, но долгого и приторного прозаического и вульгарный подход к музыкальному содержанию, навязывание своих домолов композиторам — все это еще встречается в нашей музыкально-критической практике.

И тут мысли Глинки о взаимоотношениях критики и композиторов остаются для нас острыми и злободневными.

Так глинкинская школа, глинкинская «консерватория» оказываются важны не только для композиторов, но и для наших музыкантов. Так Глинки входит в нашу музыкальную жизнь, берет слово в наших спорах.

Герцен говорил, что классика для человечества — это «оселок, на котором оно пробует силу возраста». На Глинке мы можем пробовать силу возраста нашей музыки. Ныне это для нас особенно важно — ведь через несколько недель на съезде композиторов мы будем подводить итоги сорокалетнего развития советской музыкальной культуры. И эти важные для нас дни мы найдем в Глинке строгого учителя, всматриваясь в помощника и доброго друга.

М. СОКОЛЬСКИЙ

Живой Глинка

Столетие со дня смерти! С трудом верится, что целый век отделяет нас от Глинки, — такого живого, нашего, необходимого сегодня воспринимающего его и его музыку. Чье сердце не обливается слезами в минуты прощания Сусанина с любимой Антониной? Разве хоть на секунду испытываешь холонок исторической дистанции, когда летишь на крыльях увертюры «Руслан»? И только ли о сказочном витязе помышляешь, когда глубокий рецензентский скачок начинается сурьезный рассказ о поле, усыпанном мертвыми костями, а в оркестре идут потрясающие душу, полные величия аккорды... Сидишь и боишься пропустить хоть звук из этой бессмертной арии; застав дыхание, с трепетом ждешь и предвещаешь приход несказанно чудной мелодии, написанной на несказанно чудные пушкинские слова — «И струны громкие Баюно не будут говорить о нем...» Вечно молодая музыка! Какое счастье, что она есть у нас, что музыка эта в нашей стране отдана народу, что пришла пора, о которой мечтали лучшие люди нашей Родины, когда музыкальное понимание поднялось на невиданную высоту и Россия жадно припала к Глинке. Только то, что до семидесяти года слушал и видел на сцене «Жизнь за царя», может до конца оценить спасительную перемену и реконструкцию, произведенную «Жизнь за царя» в «Иване Сусанине».

Сколько освободившую Глинку от сомнительной чести соавторства и «оперы» барона Розена. И в этом поистине историческая заслуга советского театра.

Но дело не только в непосредственном эстетическом наследии, которое миллионам людей дало нечто музыка Глинки. Наследие Глинки — это великая школа для советских музыкантов, целая консерватория, — закончить ее курс не хватит и целой жизни. Чайковский, как известно, говорил, что в «Амаринской» Глинки, как дуб в желеде, заключена была вся будущая русская симфоническая музыка. Но разве «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила» не были такими же «железными» для всей будущей русской оперной музыки? Нельзя не видеть того огромного и благотворнейшего влияния, которое Глинка оказал и оказывает в наши дни на симфоническое, оперное и балетное творчество советских композиторов. Один «Руслан» в этом смысле сыграл до сих пор еще полностью не оцененную роль в развитии оперных культур, например, наших братских советских народов. Эпические, исторические, сказочные оперы в национальных театрах Советского Союза, как ни несовершенны они порой бывают, — все они правнуки «Руслана» и эпиче-

ской музыкальной драматургии «кучкинов» в свою очередь рожденной тем же «Русским».

В творческом освоении наследия Глинки у нас есть бесспорные успехи. Но успехи эти могли бы быть куда большими, если бы теоретическое осмысление эстетики Глинки не отставало от практики, если бы в нашем музыковедении все еще не бытовали доктринерские, суженные представления о Глинке.

Нам и в наших книгах о Глинке нужен — живой, подлинный, сложный! Нам нужен Глинка, указывающий путь новаторству, помогающий в новых исторических условиях решать важнейшие проблемы народности музыки и особенно оперы. Разве не стал «Иван Сусанин» вечным образцом смелого, глубокого, классического решения этой проблемы? Разве не явился он непреодолимым в своем значении примером воплощения в опере знаменитой пушкинской формулы о единстве судьбы человеческой и судьбы народной?

Приглядимся, как любопытно в опере Глинки решается проблема личности в истории. Разве не поразительно, что в «Иване Сусанине» среди русских действующих лиц нет господ: русский крестьянин, его сметка, его большое сердце, его самопожертвование спасает Родину. Не бары, не цари или князья, не высокие правители или военачальники делают историю, а именно народ: Сусанин и является простым человеком из народа, действующим бескорыстно, свободно, как гражданин отечины, единственно по величю своей совести, по долгу патриота. Свободный крестьянин — таков Сусанин у Глинки.

Оперу Глинки принято — это стало чуть ли не обязательным каноном — прямо связывать с прославленной «думой» Рылева об Иване Сусанине. Забывается при этом, какие «поправки» вносит Глинка в рылеветский сюжет. Глинка с гениальной прозорливостью вводит в музыку своей оперы народ, отсутствующий у Рылева; так раскрываются средствами музыки народность Сусанина, великая коллективность, собранность его подвига. Когда в третьем действии Сусанин гордо и смело бросает в лицо врагам: «Страх не страшусь, смерти не боюсь!» — мотив, который в интродукции оперы пел весь крестьянский мир села Домнино. — Иван Сусанин выступает как представитель этого мира.

Так в музыке — и это, пожалуй, наиболее возможно именно в ней — перед нами свершается таинство воссоединения отдельного, «единичного» героя с народом. В течение всей оперы в музыке постепенно формируется, выкристаллизовывается новый мотив, новая тема — тема «Славься». Именно оттого, что мотив этот вырастал, главным образом, в пар-

тии Сусанина, «Славься», звучащее в апофеозе, после смерти героя, когда трагедия уже закончена, воспринимается нами одновременно и как всенародный гимн, и как личный мотив самого Сусанина, как тема его бессмертия. Сусанин у Глинки, вышедший, выделенный на нем из толпы народа, свершивший от имени народа свой подвиг, «возвращается» в народ, навсегда растворяется в народной стихии.

Такова идея «Ивана Сусанина» Глинки, далекая, ушедшего вперед от «Думы» Рылева. Эта великая идея по тем временам для оперы исторического содержания определила все новаторские драматургические построения оперы Глинки. Это было и смелым новаторским решением проблемы народности.

Для решения новых идейных и художественных задач Глинке потребовались и новая техника, и новые приемы композиции, и обновление музыкального языка. И в этом смысле Глинка начал новый этап, новую эпоху в музыке. Чем же отличалась музыка Глинки от прежних русских опер? Что нового несла она?

Любопытно привести здесь цитату из статьи 1837 года: «Глинка в опере своей первый дал мелодию права гражданства в русской опере и, доказав, что рецитатив столь же свойствен гармоническому русскому языку, как и итальянскому, зарыл свои прекрасные мотивы в душу каждого и сделал их народными... Верстовский часто брал народные песни и обращал их в оперные мотивы, и они пропадали. Глинка создавал русские мотивы — и они сделались народными... Верстовский и Глинка создавали русские мотивы — и они сделались народными... Верстовский часто брал народные песни и обращал их в оперные мотивы, и они пропадали. Глинка создавал русские мотивы — и они сделались народными... Верстовский и Глинка создавали русские мотивы — и они сделались народными...»

Народный элемент у Глинки был лишь налета мелодрама — Глинка шел в эпическому. Чудесно сказал Одолевский, что в Сусанине народный мотив поднят был до трагедии.

Из книги в книгу, из статьи в статью переходят слова Глинки: «Создаст музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем». Это высказывание Глинки можно истолковывать по-разному. При известном желании его можно повернуть и в сторону оправдания упрощенности: бери народные песни, подпевай — и все. Но Глинка — что совершенно неоспоримо — понимал эти слова в более общем, обширном и глубоком философском плане. Для Глинки композитор — это сын народа, его представитель, выразитель его чаяний, идей и чувств. И эти чаяния, идеи, чувства, составляющие содержание музыки, которое зреет в глубинах народного духа, требуют своего воплощения, и дает своего художнику народ, а мастер-художник это содержание оформляет, «записывает», «аранжирует». Так

ДОРОГА ЧЕСТИ

искренне восхищается душевными качествами простых людей Испании — их горячей любовью к своей родине, их благородством и высоким боевым духом.

Героическая борьба народной Испании против объединенных сил мировой реакции породила, как известно, обширную литературу. Незабываемым событиям тех дней посвящено немало произведений, особенно советскими литераторами. Достаточно вспомнить «Испанский сагал» и «Что человеку надо» Илья Эренбурга, «Испанский дневник» Михаила Кольцова, «Счастье Картахены» и другие рассказы О. Савича, ряд прекрасных стихов наших поэтов.

Теперь советская литература о борьбе народной Испании обогатилась еще одной хорошей книгой. Мы имеем в виду книгу Раисы Азарх «Дорога чести», являющуюся первой частью большой эпопеи, над которой сейчас работает автор. «Дорога чести», по определению самого автора, относится к разряду «романов-хроник», и с этой характеристикой книги нельзя не согласиться. Действительно, «Дорога чести», описывающая пребывание в Испании и участие в борьбе испанского народа советской женщины Эрины Лорич (в которой всякий, кому доведется быть в Мадриде в 1936—1937 гг., легко узнает автора), представляет собою хронiku боевых действий на испанском фронте с декабря 1936-го по конец февраля 1937 года, написанную «бывалым человеком». С другой стороны, эта хроника обречена в такую живую форму, читается с таким интересом, что с полным правом может быть причислена к жанру романа.

В чем же заключаются основные положительные свойства романа-хроники Р. Азарх? В том, что эта книга — большая правда. Читая ее, невольно вспоминаешь стихи Блока: «знаю тебя, начало восточных и матежных дней!» — так верно передана в ней напряженная, исполненная героической патристической атмосферы тех незабываемых лет. С первой и до последней своей строки книга пронизана горячей симпатией к борющемуся испанскому народу, к героическим бойцам интербригад и к лучшим их представителям, таким, как генералы Лукач (Матя Залка), Вальтер (Вароль Сверхеский), — во всем этом мужественным и благородным людям, исполненным сознания правоты того дела, за которое идет борьба. Именно этот живой визуализм и делает книгу Р. Азарх цельной по мысли, придает ей внутреннюю стройность.

Главное действующее лицо книги — Эрина Лорич, работающая в качестве советника при министре здравоохранения республиканского правительства Испании. Но, по существу, подлинными героями романа-хроники — это борющиеся испанский народ и бойцы интернациональных бригад, пришедшие к нему на помощь в годы его тяжелой схватки с силами мирового фашизма. Р. Азарх — убежденный враг не только всякой реакции, и тем более очернения (столь частых даже у переводчиков Западной Европы и Америки) и их изображений в литературе 1936—1939 гг., но и всяких заветных штампов и трюмов фраз. Она

Раиса Азарх. «Дорога чести». Роман-хроника. Книга первая. «Советский писатель», Москва, 1936. 234 стр.

Ф. КЕЛЬИН

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ «ПРЕТКНОВЕНЬЕ РАССУДКА»...

Свердловское книжное издательство выпустило в 1956 году книгу Генриха Манна «Юность короля Генриха IV» (перевод Е. Садовского, редактор Т. Радаилова).

Перевод настолько плох, что нужно обладать исключительным терпением, чтобы заставить себя прочесть эту книгу до конца. Мы уже не говорим о том, что в переводе утеряны особенности своеобразного стиля Г. Манна. Перевод заставляет усомниться в знаниях Е. Садовского не только немецкого, но и русского языка. Там, где переводчик не понимает автора, он переводит его дословно, предлагая читателю, по существу, не художественный текст, а подстрочник. Не понятые переводчиком места сразу бросаются в глаза. На странице 386 читаем: «Сад нам сегодня кажется глубже, сумрак тишиной уносит его из пространства и ствол. Даже каменная женщина, льющая из своей посудины воду, на ней тоже лежат тени вечерних кустов, отнимая у нее превосходство блонды и блестящих волос». Переводчик прибегает к словотворчеству, употребляет отжившие и просторечные, зачастую малопонятные слова и выражения: «со вчераш», «источали... албур» (?), «тишиной», «волжба», «трюхает», «наклет», «промежи», «присутственны», «навести страху», «преткновенье рассудка» и т. п.

Е. Садовский пытается, по-видимому, воспроизвести манеру изложения автора. Но читатель отказывается верить в то, что Г. Манн писал так бессвязно и неграмотно.

Например, мысли Генриха IV являются так (стр. 343): «Я покажу им, что я сын их королевы Жанны. Не то, что неоселда! Или тишезлавный Голлаф! Потому что я знаю. Школа всё же не была напрасна. Я знаю: это королевство объединяю я» Антоний Иванович Поприция у Н. В. Гоголя излагал свои переводы идеи более связно, чем король Наварры.

Обращает на себя внимание и пунктуация; она настолько «смысловая», что, выражаясь словами переводчика, испытываете то и дело «преткновенье рассудка».

Нельзя ли избавить читателей от таких «художественных» переводов, при чтении которых «ужас проникает человеческое тело»... За перевод художественного произведения отвечают и переводчик, и издательство, поэтому нам и непонятно, как могли свердловские издатели предложить читателям такой вопиющий брак!

г. КАРПИНСК, Свердловская область

ОБЩЕСТВО «ИТАЛИЯ—СССР», ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ОРАЦИО БАРБЕРИ

Дорогие друзья! Глубоко опечалены, переживая вместе с вами кончину выдающегося ученого и большого друга Советского Союза Кончетто Марезе.

По поручению правления Союза писателей СССР секретарь правления Борис ПОЛЕВОЙ

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

В книжных магазинах Украины продаются небольшие стихотворные сборники. Они привлекают внимание покупателей своими разноцветными обложками с неяркой веткой — березой, вербой или другим растением. Эти тонкие книжечки — не только прекрасные подарки, но и хорошие помощники в изучении украинского языка.

Издательство «Радиский письменник» уже выпустило первые пять книжечек. В эту серию вошли: «Вірші Миколи Гоголя», «Вірші Миколи Гоголя», «Вірші Миколи Гоголя», «Вірші Миколи Гоголя», «Вірші Миколи Гоголя».

«Всёобщая история искусств»

В издательстве «Искусство» вышел из печати и выдана подписка первый том «Всёобщей истории искусств». Это шеститомное издание представляет собой историю живописи, графики, скульптуры, архитектуры и прикладного искусства всех веков и народов от древности до наших дней.

Первый том «Всёобщей истории искусств» охватывает древнейшие времена истории мирового искусства, начиная от его возникновения на исходе ледникового периода и кончая III—VI веками нашей эры. Центральное место отведено искусству классической Греции, Древнего Египта

Новые стихи

Семен ОЛЕНДЕР

СТАРЫЙ КОМПЛЕКТ

Развернешь комплект газеты старой — Десятнадцатый, двадцатый год... Вспомнишь гром парижских ударов, Первой Конной армии поход.

Вспомнишь черноморскую блокаду, Облежавший одесский мол, Доблестную эскадру, Пулемета раскаленный ствол.

Вспомнишь, как в шинелях не по росту Комсомольцы дрались за Ростов... Время говорит с тобою просто С этих тонких выцветших листов.

Иван БИТЮКОВ

ДОРОЖНОЕ

За окном приятливая рошца Махнет мне ветвями: «В добрый путь!» Глянешь из вагона — так и хочется Под шагрю зеленым отдохнуть.

И совсем как девочки-подростки, Одною вставши в стороне, Две в ночи озябшие березки На рассветном трютоя огне...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕНЗА

Пензенские писатели в минувшем году выпустили ряд сборников — фольклора, очерков о Героях Советского Союза, коллективную поэтическую книгу, исторический роман, несколько произведений для детей. За один год в Пензе вышло больше книг, сколько было издано за шесть последующих лет.

Следом за очередным номером альманаха «Земля родная» читатели недавно получили однодневную газету областного литобъединения — «Литературная Пенза».

Выпуск такой газеты — явление интересное и важное. Газета помогает литераторам по-хозяйски оглядеться, то что уже сделано или, укрепить связь с читателем, а заодно воспользоваться новой «площадкой», чтобы выступить со своими стихами, рассказами, сатирическими заметками. То, что не пишут авторы газеты, несомненно, выходит далеко за рамки «чисто литературных» дел. К сожалению Октябрь в Пензе готовится сборник очерков о старых большевиках и сборник художественных произведений о нашей советской жизни.

Многочисленными письмами откликаясь слушатели на пензенский радиопрограмму. Крепнет дружба с кубышевцами: литераторы соседствующих областей устраивают творческие встречи, их альманахи и издательства обмениваются наиболее значительными произведениями, книгами. Много дал литераторам встречи с читателями. Побывав в Кузнецке и Камыше, у студентов педагогического института, в рабочих клубах и общежитиях, они не только получили хорошую творческую зарплату, но и смогли яснее увидеть недостатки своей работы, подумать, как их исправить.

Жаль, однако, что среди дальних советов и предложений в «Литературной Пензе» встречаются несколько спорных, а именно: не продуманные до конца. Так, сообщается о реорганизации альманаха «Земля родная» — некую серию тонких брошюр: «Изменяя существенно тонкий листок альманаха, решено разбить его на четыре выпуска-номера». Преведля вполне закономерный вопрос: а как же будет с крупной прозой, газета растолкуывает: «Повести и романы могут печататься в двух и в крайнем случае — в трех номерах... В творческой продукции пензенских литераторов преобладают как раз малые объемы». Можно только посочувствовать читателю, который в течение года будет оглядываться на «выпуски-номера», чтобы дочитать какую-то повесть, пьесу... Можно посочувствовать и пензенскому литератору, в силу «базисных» обстоятельств навсегда прикованному к «малым объемам».

Памяти гениального композитора

ЛЕНИНГРАД. 15 февраля. (Наш корр.). «Нигде меня не любят так, как здесь», — писал М. И. Глинка о Петербурге.

Сто сорок лет назад он впервые приехал в город на Неве. С тех пор жизнь гениального композитора была тесно связана с Петербургом. Здесь были созданы его лучшие произведения. На сцене петербургского Большого театра впервые прозвучали «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила».

В некрополе Александровской лавры похоронен прах М. И. Глинки. Сегодня состоялось торжественное возложение венков на его могилу. О Глинке, о великом значении его творчества говорили народная артистка СССР В. Варсва, зам. министра культуры РСФСР И. Кондаков, композитор И. Дзержинский, заслуженный деятель искусства А. Анисимов и другие.

Вечером в Академическом театре оперы и балета имени С. М. Кировой и в Малом зале Филармонии состоялся гениальный композитора, состоялся торжественные заседания; в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Шчурина и других библиотеках города открылись выставки, посвященные М. И. Глинке.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите выразить через Вашу газету сердечную благодарность всем товарищам, организациям и учреждениям, поздравившим нас с награждением орденами Советского Союза в связи с трудовой победой узбекского народа.

Айбек Сарвар Азимов, Ш. Аляндия, Сергей Боронин, Гафур Гулом, Зулфия, Андрей Иванов, Мирмухсин, Мумтоз Мухамедов, Абдул Палатов, Ибрагим Рахимов, Яшен.

Позвольте мне выразить через Вашу газету сердечную благодарность всем организациям и учреждениям, поздравившим меня с награждением и высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Петр ХУЗАНГАН

В СВОИХ заметках «Важный жанр литературы» («Правда», 7 декабря прошлого года) Борис Полевой справедливо говорит о том пренебрежении, с каким

О РАССКАЗЕ

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Юрий НАГИБИН

«Растение лишь тогда хорошо развивается, цветет и приносит плоды, когда его поливают. К рассказам тоже требуется заботливое отношение... Но очень редки критические статьи, которые подвергали бы разбор какой-нибудь один, отдельно взятый рассказ, как бы хорош и интересен он ни был».

Правды ради следует сказать, что статьи об отдельном рассказе не только редки в последнее время, но их вообще нет. А ведь было время, когда «Литературная газета» не считала для себя зазорным дать развернутую, содержательную рецензию на один рассказ Е. Успенской, один рассказ Д. Осина, один рассказ Ю. Нагибина и т. д. В ту пору появление каждого отдельного стоиющего рассказа рассматривалось как событие литературной жизни не только читателем, который и сейчас столь же горячо относится к рассказу, но и критиком. Большим другом советских рассказчиков был покойный А. Тарасенков, он был внимательнейшим и умным читателем рассказов, он открывал в полном смысле слова новых рассказчиков, привлекал внимание общественности к этому жанру, столь близкому природе русской литературы. Он не был одинок, и другие критики — З. Кедрин, А. Макаров, А. Турков — думали и писали о рассказе. В ту пору рассказчик чувствовал себя окруженным требовательным вниманием, писать было ответственно и радостно.

Появлялось много хороших и даже очень хороших рассказов, много новых хороших рассказчиков. Последнее время рассказчик окружен холодной пустотой. Приведу несколько примеров.

В издательстве «Советский писатель» вышел очередной сборник «Рассказы 1955 года». Так вот, напрасно стал бы искать читатель в последнем сборнике любимые ему имена Сергея Антонова, Бориса Белого, Ерины Дорно, Николая Атарова, Владимира Фоменки и ряда других авторов, появлявшихся на страницах этого сборника. Разве это не показатель? Неужели люди, в течение ряда лет создававшие лицо советского рассказа, не написали за год ни одного рассказа?

Журнал «Огонек», некогда дававший в четырех номерах в номере, все чаще стал выхлестывать вообще без рассказов. Он переключился на печатание приключенческих повестей, отрывков из новых романов и т. п. И вовсе не потому, что журнал охладил к рассказу. Просто мало хороших или даже «средних» рассказов, а печатать заведомую серятину журналу не хочется.

Тем не менее и за последние годы были рассказы, заслуживающие внимания критики. Взять хотя бы, в том же «Огоньке» рассказ Сергея Никитина «В бессонную ночь». Неужели этот тонкий, поэтический, мастерски написанный рассказ не заслуживает хотя бы небольшого отзыва?

А ведь С. Никитин написал не один этот рассказ. Он написал их множество, в последние годы он проявил себя одним из самых плодотворных и одаренных рассказчиков. Любая повесть, даже совсем бледная, незамысловатая вызывает критический отклик, хотя порой все содержание отклика сводится к тому, что повесть, мол, не удалась. Но почти ничего еще не сказано о своеобразных, ярких, былых, в чем-то спорных рассказах Ст. Мелешкина, автора талантливого, идущего не простым и не легким путем.

Но пусть не создается впечатления, будто я ратую за то, чтобы рассказчикам при каждом удобном случае дарили «безе», по изначному выражению Носдрева. Нет, разговор об этом жанре на сегодняшний день должен носить скорее тревожный и суровый характер, нежели умиленно-правильный. Если бы какой-нибудь критик взял на себя нелегкий труд прочесть несколько десятков рассказов, напечатанных за минувший год в «Огоньке», — этот журнал все же остается главным приближенным рассказчиков — он был бы принят в ряд неустранимых выводов. Бросятся в глаза как тематические однообразие, так и удручающее однообразие тона, и если читать все рассказы подряд, то под конец создается ощущение, будто читаешь одного и того же автора. Те же рассказы, что радуют «лица необщим выраженьем», дела не спасают.

Или вот еще одна странная особенность — обилие рассказов, действие которых происходит на катерах, буксирах и прочих мелких суденышках, речных и морских. Из рассказа в рассказ переваливаются суровые капитаны, крикливо судовые механики, вояки райисты и влюбленные во всех и вся на корабле юнг. Да и вообще, что-то большое много воды, не в переносном, а в прямом смысле слова, в огоньковских рассказах. Конечно, в нашей стране много великих рек, ее омывают великие моря, и все-таки суша, если так позволено выразиться, играет куда большую роль в жизни нашего народа, нежели вода. Главный подвиг народа творится в горах, в степях, в лесах, на рудниках, на полях, на берегах тех же рек, но не в каботажном плаваньи...

На первый взгляд может показаться, что об этом и говорить не стоило бы, просто случайное совпадение. Но это не так. За минимой случайностью скрывается большое небогаополучие. К буксирам, катерам, баркам и парусникам авторов таят та мезалья романтичности, которая от века связывается с речными и морскими путями. Ночные пародоксные гудки, свежие и острые запахи воды, ветра и штормы, привкус опасности, набор морских и речных словечек — вся лаборатория жизни на воде хорошо маскирует необязательность темы и то, что автору, по существу, нечего сказать о главных вопросах, волнующих нашего читателя. Многие рассказчики стремятся работать на периферийных темах, в обход трудностей; недаром же почти отсутствуют рассказы о рабочем классе. Все это тоже могло бы стать предметом серьезного критического обсуждения.

Интересно и заслуживает разговора и другое: в рассказах разнотемных, изображающих совсем разные стороны действительности, вдруг обнаруживается полное совпадение ситуаций и даже действующих лиц. Вдруг видишь, что коммандатурный работник, мешающий на собственной даче, или какой-нибудь судовой механик, или вахмешей чабан, несмотря на внеш-

нее несходство, являют собой одно и то же лицо, один и тот же, даже в мелочах совпадающий тип. Разница лишь в том, что на одном из них пижама, на другом форма речника, на третьем халат. Стоило бы разобрататься, каким образом вопарились в нашем рассказе прием итальянской комедии масок. Но критика молчит...

А ведь писателю-рассказчику важно не только знать оценку собственного труда, он хочется осмыслить свою работу в плане больших задач, стоящих перед советской литературой, хочется делового, умного разговора о жанре. Ведь жанр — это не что-то застывшее, неизменное на века; каждая эпоха, каждое время наполняет его особым содержанием.

Мне кажется, снижение творческой активности и даже отход многих авторов от жанра рассказа в значительной мере объясняется вышесказанным: жанр поставлен как бы вне рамок «большой» литературы.

Когда же порой критика вдруг замечает пишущих рассказы, то не знает, радоваться этому или огорчаться. Так, например, многих рассказчиков, в том числе — и наиболее настойчиво — автора этих строк, не раз упрекали за «разбросанность в тематике». Признавая, внутренний смысл этого упрека, его, так сказать, философия осталась все непонятной. Скажу о себе, я действительно писал рассказы и о войне, в которой участвовал, и о детстве, которое у меня было, как и у каждого человека, и о деревне, где прошло мое детство, и о любви, и об охоте, и о рыбалке, и о снах, которые мне снились. Я писал о том, что меня волновало, чем я жил, что я близко постиг в ту или иную пору, и мне всякий раз казалось, что сквозь эти «огня» открываются мне наша жизнь в ее неперечисляемом многообразии, и я в меру своего сил рассказывал о ней советскому читателю. Но я никогда не думал, что тематическая специализация в жанре рассказа, подобно медицинской, является достоинством, а отсутствие ее — недостатком, требующим искоренения. Неужто только классикам рассказа предоставляло право на тематическую разбросанность, каковая даже восхвалялась в этом случае, как знак широты охвата жизни...

Но стоит ли говорить о частностях, когда даже в коренном, начальном вопросе — что же такое рассказ? — царит страшная путаница. К рассказу зачастую предъявляются требования, приходящие от других жанров, приходящие от журналистики и корреспонденции.

С таким взглядом на рассказ мы столкнулись в заметках Б. Полевого, посвященных рассказу. Продиктованы эти заметки добрым чувством тревоги за состояние жанра, но с некоторыми положениями автора вряд ли можно согласиться.

Б. Полевой называет рассказ сперва «боевой, оперативной разведкой», затем ее определенной — «оперативным донесением боевой разведки».

Бессспорно, что в рассказе, впрочем, как и во всяком настоящем произведении искусства, проблематика должна быть актуальной. И странно было бы отрицать возможность существования рассказа, отключившегося на острые и злободневные вопросы сегодняшней жизни. Но, к сожалению, у Б. Полевого получается, что дело рассказчика — лишь прогнать тему, написать донесение, а уж настоящий бой за овладение тем или иным жизненно важным материалом поведут романтисты и повествователи. Сведением рассказа к «оперативному донесению» писатель-рассказчик лишается права на глубокое осмысление жизни, на глубокое и далеко не всегда легко и быстро дающееся проникновение в те сложные и важные процессы, свидетелем и участником которых он является. Объективно это призывает рассказчиков к скольжению по самой поверхности жизни, к фиксации того, что открывается писателю с первого взгляда, минуя глубокое размышление, переживание, вынашивание, трудные поиски словесного выражения.

Б. Полевой с большой похвалой отзывается о рассказе Е. Дорно «Новый секретарь»:

«Рассказ был небольшой, страничек в десять, и не был так уж блистательно написан. Но он образно, интересно ставил вопрос о типе сельского партийного работника, о стиле и методе партийного руководства, и это вызвало и встроило сердце людей». Но ведь отличный рассказ Е. Дорно тронул читателей именно благодаря гармоничной форме и содержанию. А что иное может означать этот абзац, как не амнистия, заранее выходящую рассказчика, «не блестяще» пишущим на актуальные темы. Право же, это серьезный грех против литературы: нельзя отрывать художественное качество произведения от качества идейного.

При рождении журнала «30 дней» А. М. Горький, немало потрудившийся для развития советского рассказа, прислал редакцию письмо, в котором дал ряд ценных советов, определил характер журнала: «Плак: «30 дней» — журнал, где печатаются маленькие, строго сделанные, строго выбранные рассказы», — писал Горький.

ЧЕСТВОВАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Общественные Риги отменила пятидесятилетие латышской советской поэтессы Мирзы Кемпе. В статьях, посвященных жизни и творчеству писательницы, печать отмечает большую роль Мирзы Кемпе в развитии латышской поэзии и ту заботу, с которой писательница относилась к воспитанию молодых поэтов. В Литературном музее имени Райниса открыта выставка, посвященная талантливой латышской поэтессе.

Общественные Мордовии отметили пятидесятилетие писателя В. Виарда (В. И. Ардеева). На расширенном заседании правления республиканского Союза писателей с приветствиями к юбиляру обратились литераторы, представители местной общественности.

Ясно, что Горький хотел, чтобы журнал «30 дней» печатал рассказы, которые явились бы образцом этого жанра, примером для подражания. А что именно Горький считал, так сказать, высшим этапом жанра, видно из следующих строк письма:

«Затем я бы советовал Вам дать ряд статей о мастерах маленького рассказа: Мопассане, Чехове, Пиланделло...»

Вот как высоки были горьковские представления о жанре рассказа!

Никто не станет отрицать, что имеет право на жизнь, более того, нужен и оперативный, «газетный» рассказ. Да дело и не в пожеланиях — такой рассказ существует, будет существовать, будет приносить известную пользу и, к сожалению, зачастую довольно мало художественной радости читателю, уступаая в силе воздействия и очерку, насыщенному фактами и, даже умело написанной корреспонденции.

Следует добавить, что далеко не каждый рассказ, написанный для газеты, является «газетным» в общепринятом не очень высоком смысле слова. Например, рассказы покойного Алексея Колосова. Эти рассказы всегда были остры и актуальны, но разве можно их свести к понятию «боевых оперативных донесений»? Прежде всего рассказы эти далеко не так «оперативны», как очерки и корреспонденция того же Колосова. Когда он хотел быть понастоящему оперативным, он прибегал к помощи других, по-своему не менее почтенных жанров. Рассказы же его созданы совсем не «наскел», все они тщательно выношены автором и обладают собственной, завершенной внутри себя жизнью.

Разумеется, если найдется автор, который в «оперативном боевом донесении» вдруг достигнет чеховской или горьковской глубины, проникновенности, то это будет крайне отрадно, но, как и всякое исключение, лишь подтвердит, что большой путь советского рассказа, путь, по которому следует идти передовым кадрам наших рассказчиков, — это путь, указанный Горьким.

Можно ли сводить многообразный жанр рассказа к рассказу «донесению», как это делает Б. Полевой? Ссылка на военную пору вовсе не доказательна. Да, в ту пору появилось бесчисленное множество рассказов на страницах центральных, фронтовых и армейских газет, они делали свое нужное дело. Но многие ли из этих рассказов сохранились, многие ли выдержали испытание временем, перечитывают ли их читатели, вошли ли они в золотой фонд нашей литературы?

Сохранилось лишь то, что было плодом подлинного творчества, глубокого авторского раздумья и переживания.

Самое странное, что свою мысль Б. Полевой пытается подтвердить ссылкой на... традицию классической русской литературы. Вот что он пишет:

«По старой, давно существовавшей в русской литературе традиции рассказ всегда был боевым жанром литературы, в котором передовые писатели прибегали всякий раз, когда им хотелось быстро, сильно, действительно откликнуться на все самое важное, что в их пору занимало общество».

И сразу возникает в памяти «Что делать?» Чернышевского, «Накануне», «Отцы и дети», Тургенева, «Брейерова соната» Льва Толстого — наиболее, пожалуй, яркие примеры того, когда передовые писатели очень «быстро, сильно и действительно» откликнулись на то, что в их пору волновало общество. Она белая — знамянные произведения не были рассказами.

Конечно, любое настоящее художественное произведение, рассказ в том числе, является откликом на шум времени, на жизнь современного писателя общества, но только не тем откликом, о каком говорит Б. Полевой. Неужели залорным, боевым духом, злым желанием немедленно откликнуться порождены такие шедевры русской «рассказной» литературы, как «Дама с собачкой», «Домик», «Архирей» Чехова, «Тулупный художник» Лескова, «Оброк», «Солнечный удар» Бунина, «Мальва», «Челкаш», «Рождение человека» Горького?

И неужели кто откажется назвать «Советопольские рассказы» Льва Толстого оперативной разведкой? А кто же тогда дал бой? Сколько писалось о семипольской страде повестей, романов, даже эпопеей, но ведь нигде не дана такая потрясающая, истерывающая картина, как в этих рассказах. И, пожалуй, этот пример лучше всего доказывает, что настоящий рассказ — это и разведка, и бой одновременно, иначе говоря, не подступ, не прощупывание темы, а овладение темой всеми средствами словесного искусства.

Только слабость нашего литературоведения повинна в том, что до сих пор не вскрыты, не показана со всей отчетливостью та плодотворная разрушительная сила, какая заключена, в частности, во всем «неоперативных» рассказов Чехова, даже в таком, будто бы далеком от всякой «оперативности» рассказе, как «Дама с собачкой», или в горьковском «Рождении человека». Надо ли доказывать, что плодотворная, свидетельская роль советского рассказа тем значительней, чем глубже «копает» писатель, чем больше ума, сердца и таланта вкладывает он в свое творение!

Рассказчик должен так же широко соучаствовать в жизни, так же глубоко познавать ее, как романтик, как все его собирать по крупицам, «крупным» жанрам, вдумываться в каждое жизненное явление, осмысливать происходящие в жизни процессы, ни в чем не делая себе скидки: ни на оперативность, ни на малый жанр, не утешать себя тем, что он-де ухватил что-то новое и важное. И алаца рассказчика — уложить скопленный, осмысленный, прочувствованный им материал в предельно сжатую форму — отнюдь не легче, чем у романтика. Недаром сейчас и начинающие писатели летают писать рассказы. К чему, дескать, собирать материал, вживаться в него, а потом дать лишь самую отжимку, не проше ли сочинить объемистую книгу — милее оно и выгоднее.

Захотят ли советские рассказчики — равноправный отряд большой советской литературы — стать творцами одних лишь «оперативных донесений», да еще в строго рамках определенной для каждого темы? Думаю, что они изберут иной, столбовой, горьковский путь, сообразный с подлинной традицией великой русской литературы.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 21 16 февраля 1957 г.

РАЗВЕЯННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

— Англия приветствовала приезд венгерских беженцев лишь по соображениям гуманности. — заявил недавно представитель английского министерства иностранных дел.

Сказано красиво, но без возвышенности. На деле же гуманность, как мы увидим ниже, здесь совершенно ни при чем.

После ноябрьских событий около 12 тысяч венгров оказались в Англии. Неправильно было бы, конечно, считать, что все они сознательно участвовали в контрреволюционном мятеже или были жертвами империалистических разведок. Большинство из них вела в заблуждение живая западная радиопропаганда, обилие с толку распространители пропагандистских слухов. Есть среди них и такие, кто поверили пропагандистским рассказам о том, будто в капиталистических странах текут молочные реки в кисельных берегах, а вареники сами прыгают в рот. Впрочем с капиталистической действительностью подействовала на большинство венгров самым отвратительным образом.

Разместили беженцев в холодных лачугах и землянках, обещав им, что они пробудут там только несколько дней. Но прошло уже много недель, а о переселении людей в более сносные жилища никто и не заикается. «В домах холодно, по стенам стечет вода. То и дело мы отправляем нашего ребенка в больницу» — жалуются один из венгров в письме, адресованном Британскому совету помощи беженцам. Венгры изолированы от внешнего мира, самовольно покидать пределы лагеря запрещено. Кроме того, беженцы не имеют ни гроша в кармане, и потому, даже если бы им и позвали, они все равно не смогли бы вернуться по стране в поисках работы.

На капиталистической чужбине венгры оказались почти на положении рабов, привезенных на невольничий рынок. Это не журналистский образ, а реальный факт. Не случайно же на западном берегу одного из лагерей был назначен чиновник министерства колоний, что вызвало бурное возмущение беженцев.

Следующим тяжким сюрпризом, который преподнесла им капиталистическая действительность, оказалась безработица. В Англии существует твердое правило — не брать иностранца на работу, если на нее претендует также англичанин. Поэтому, например, в центральных английских графствах из полсотни тысяч венгров получили работу только 112 человек. Да и чего же другого можно было ожидать, если сами англичане вынуждены бежать в другие страны, спасаясь от безработицы? Тысячи отчаявшихся и обездоленных англичан выстраиваются по утрам в Лондоне у канального представительства, пытаясь добиться вездной визы в Канаду, где, как им кажется, они смогут найти работу и приличное жилье.

Но и те венгры, которых устроили на работу в Англию, никак не могут чувствовать себя счастливыми. Бесплатных, лишенных гражданства людей берут на наиболее низкооплачиваемую работу. В середине января группа беженцев, направленных на текстильную фабрику Крофт Миллс в Рочдейл, отказалась работать в знак протеста против мизерной оплаты труда. Они прямо заявили администрации фабрики, что «в Венгрии они зарабатывали гораздо больше». Но дирекция фабрики не набила им ни пенки, и беженцам, чтобы не умереть с голоду, пришлось вернуться в цех.

Постепенно у обманутых людей спадает с глаз пелена. Первые группы венгров уже покинули Англию и отправились на родину. Этот процесс прояснения шел бы значительно быстрее, если бы ему не препятствовали английские власти. Английское министерство внутренних дел начало издавать на венгерском языке газету «Хети хите» («Еженедельные новости»), предназначенную для идеологической обработки беженцев. Культивировать у людей неприязнь к народно-демократическому строю и тем самым восстанавливать беженцев против их отчужденности — занятие малопочтенное и во всяком случае не гуманное.

Недавно венгерское министерство иностранных дел выразило надежду, что английское правительство окажет помощь в том, чтобы молодые венгры, не достигшие 18 лет и не совершившие преступлений, могли бы вернуться в Англию домой, где их ждут родители.

Британские власти не спешат откликнуться на этот призыв. Может быть, среди беженцев нет детей, о которых шла речь в венгерской газете? Даже английская буржуазная печать признает, что в числе беженцев имеются маленькие дети, прибывшие в Англию без родителей. Газеты рассказывают, например, об одном восьмилетнем мальчике, попавшем в Англию без отца и без матери и вообще кого-либо, кто мог бы о нем позаботиться. И вот несчастного ребенка выгнали из одного лагеря и направили в другой как «отъявленного хулигана». Оливер Твист — удачник и счастливец по сравнению с этим маленьким венгром.

А британские чиновники еще толкуют о «гуманности»!

М. В.

НАШИ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Новые переводы из Мориса Карема

В минувшем году в нашей газете (номер от 27 октября) была опубликована статья «Учителя оптимизма» и переводы стихов известного бельгийского поэта Мориса Карема. Недавно из Брюсселя в редакцию пришло письмо, в котором Морис Карем благодарит «Литературную газету» за то, что она познакомила с его творчеством советских читателей. Вместе с письмом поэт прислал новые сборники своих стихотворений.

Имя Мориса Карема широко известно в Бельгии и других странах. Поэт родился в Вавре (Брабант) в 1899 году. Многие годы он был преподавателем, а затем целиком посвятил себя литературной деятельности. Ряд сборников стихов Мориса Карема удостоен бельгийских национальных и международных премий. Книга его стихов «Мать», переведенная в «Литературной газете», вышла недавно в Бельгии восьмым изданием.

Сегодня мы печатаем новые переводы стихотворений Мориса Карема.

ПРОШЛА
Где она и что же с ней,
Клявшейся в любви своей?
Не любовь непостоянна,
Мы проходим в смене дней.
Разлюбили, любим вновь,
Мы проходим, — не любовь.

ВЕСНА
Весенний воздух чист и нежен,
Все стало легче и светлей,
И землю жаворонок держит
На нитке песенки своей.

Весна у каждого окна
Шелит с улыбочкой ребячьей,
Пускает зайчиков она,
И на твоём портрете — зайчик.

РЕБЕНОК У МОРЯ
Было море, рассветное, бледное,
В гробных волн, в далеких перуах,
И над морем звезда последняя
В зеленющих небесах.

Был песок, бесконечность песчинок,
Был песок с незаметными днями,
И над ним в вековых морщинах
Вареницы прибрежных камней.

Был ребенок — и все беспредельное,
Где и мыслить нельзя о конце:
Море, небо, звезда и время —
Отражались на детском лице.

Перевел с французского
Н. РАЗГОВОРОВ

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ
Она была такой простой, простейшей из историй,
Что не нашлось нигде-нигде рассказчика, который
Ее хотел бы рассказать в таком же самом стиле
И сделать так, чтобы ее на свете не забыли.

Она была такой простой, простейшей из историй,
Что ветер стал ее учить и знал на память вскоре
И повторил веда-веда, и все деревья в мире
Ее узнали от него и тоже заучили.

Послушай, как шумит листва
В задумчивой печали:
Простые тихие слова,
А мы их потеряли.

КУБА БУРЛИТ

Американский журнал «Тайм» опубликовал недавней весьма примечательную заметку о политическом положении на Кубе, находящейся под властью диктатора Батисты.

«Тайм» сообщает, что не реже трех раз в неделю точно в 8 часов 30 минут вечера в Гаване происходит взрывы начиненных динамитом бомб... Очевидно, террористические акты стали вполне обычным делом совершенно отчаявшихся людей, которые находятся в оппозиции к существующему режиму. Эти люди дают о себе знать не только в Гаване, но и в других районах страны.

Применяются и иные средства борьбы, не столь анархические и более действенные, например, забастовки, акты саботажа. Народный протест находит выход в виде демонстраций, уличных столкновений с полицией, интенсивной революционной и антиимпериалистической пропаганды. Еще во время войны за независимость, против испанских колонизаторов, а также в ходе самых различных по своему характеру республиканских матежей участники вооруженных выступлений поджигали сахарный тростник на плантациях. И теперь палают тростник на большинстве «сеатралей» — предприятий по производству сахара, из которых янки извлекают огромные прибыли.

Батиста приостановил в связи с этим еще в двух провинциях, а именно Гаване

Николай ГИЛЬЕН,
кубинский поэт

и Матанас, действие конституционных гарантий. Как известно, в одной из этих провинций находится резиденция правительства и столица республики. Установлена предварительная цензура, распространяющаяся не только на печать, но и на радио- и телепередачи.

Последние декабрьские дни рождественских праздников кубинский народ окрестил «кровавым Рождеством». В ночь с 25-го на 26 декабря солдатами армии Батиста — фактически наемными убийцами — были насильственно оторваны от домашнего очага 21 кубинец, люди, открыто высказывавшие свои враждебные правительственной тирании взгляды. Были оторваны... Одно употребление глагола в прошедшем времени достаточно, чтобы мысленно воссоздать драматическую картину того, что произошло в ту же ночь. Девятнадцать из них были расстреляны, двое повешены в лесу на деревьях. Это чудовищное преступление было совершено заранее продуманному плану, который выполняли в один и тот же час в разных городах на северном побережье Восточной провинции.

Семеро из числа убитых были коммунистами, вожаками рабочих сахарной промышленности, остальные — членами партии мелкой буржуазии, таких, как партия Аутентико (во главе с бывшим президентом Грау Сан-Мартинем) и Ортодоксо. Один из убитых был кандидатом на пост мэра в большом городе Виктор-де-лас-Тунас, другой — студентом; все они были видными политическими или профсоюзными деятелями.

В заметке, опубликованной журналом «Тайм», содержится, помимо всего прочего, намеки или, скорее, имеющие подстрекательский характер замечания, которое настоятельно рекомендует «Тайм» предположить, что в случае создания так называемого «общего рынка» в Западной Европе господствующие позиции на нем оказались бы в руках Западной Германии.

ЗА ПРИЛВКОМ И ОКОЛО

Рис. Б. Ефимова.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ЗАРУБЕЖНЫХ НОВИНОК

В поселке Корраль Аберто

Каждый раз, когда выходит в свет новая книга Эрнсте Амориа, печать Уругвая, да и всей Латинской Америки справедливо отмечает это как большое событие в литературной жизни континента. Амориа — один из крупнейших и любимейших писателей Латинской Америки.

Темы большинства романов Амориа — жизнь уругвайской деревни, «диалог с палкой», как он сам выражается. Еще в одном из своих ранних романов «Крысиный Агилар» Амориа дает великолепный образ сельского труженника, сохранившего в себе черты старого гаучо.

В следующем, а быть может, в одном из интереснейших романов Амориа «Полдней и се тен» писатель затрагивает ряд социальных проблем и пытается осмыслить причины, породившие бедственное положение уругвайской деревни. Писатель показывает конфликт между городом и деревней, как основную причину этого положения. Ранние романы Амориа отражали настроения уругвайского крестьянства, с недоверием относившегося к городу, видевшего в нем только эксплуататора своего труда.

В новом, вышедшем в 1956 году романе Амориа «Корраль Аберто» автор снова возвращается к теме уругвайской деревни. Как и прежде его книга, роман «Корраль Аберто» — яркое разоблачительное произведение. То, о чем рассказывает Амориа в своем новом романе, потрясает до

глубины души. Трудно себе представить, что в наш век могут еще существовать такие поселки, как Корраль Аберто, один из многих так называемых «красных городов Уругвая». Красный город — название это гора. Название это как нельзя лучше определяет эти поселки нищеты и скорби, где нет ни воды, ни света, ни больницы, где каждый дом — половина звериного логова. Почти все население поселка — больные туберкулезом, сифилисом, раком. Вечно голодные, одетые в невообразимые лохмотья, люди ведут там беспросветную мученическую жизнь. Почти все девушки Корраль Аберто попадают в дома терпимости. В Корраль Аберто процветают воровство, пьянство, разврат.

Молодой парень Орасио Коста, — Костита, как его ласково называют в семье, — полон горячей решимости вырваться из этого ада. У него есть все, чтобы быть счастливым, — молодость, здоровье, умелые крепкие руки. Орасио нежно любит свою сестру и с горечью думает о ее будущем. С мыслью вырвать дорогих ему людей из ужасов «красного города» Костита приезжает в Монтевидео. Ему удается устроиться на работу. Костита счастлив — мечта его вот-вот осуществится: он сможет скопить денег и выписать в Монтевидео семью. Но однажды его хозяина находят мертвым: он убит ножом, на котором стоят инициалы Коститы. И хотя юноша в день убийства был далеко от дома, его арестовывают.

Когда Костите исполняется восемнадцать лет, его освобождают из исправительного дома. Юноша не расстается со своей мечтой найти постоянную работу. На первых порах ему это как будто удается. Новый хозяин неплохо платит Костите и очень его ценит, ведь работать-то Коста умеет! И вот настал день, когда облыло одно из

заветных желаний юноши: он купил себе новый костюм. Но как раз это-то и послужило источником его новых несчастий: следившие за ним полицейские по-своему распорядились перемену в туалете Косты и вновь арестовали его. И хотя вскоре невинность его была полностью доказана, Косте не удается найти работу, и он возвращается в красный город.

Описание путешествия Косты — одно из лучших мест в книге. Писатель дает ряд превосходных по своей глубине образов простых людей Уругвая. Читатель встречается с каждым из них на очень короткое время, но все они — и шофер грузового трака, и хозяин маленькой ремонтной мастерской, и нежная, застенчивая Ребекка, случайная знакомая Косты, и супружеская чета престарелых крестьян — надолго запоминаются читателю.

Замечательен образ доктора, повстречавшегося на пути Косты. Автор почти ни слова не говорит нам о его внешности, но так и видишь этого пресыщенного, самоуверенного, скачущего богача, которого не трогает страдания народа. Томный дорожной скукой, лениво расправляет он Коститу о Корраль Аберто. Страшные подробности жизни «красного города» воспринимаются им, как занимательный рассказ. Сколько холодного равнодушия в его праздных вопросах и нелепых советах Костите, вроде «Почему бы тебе не стать боксером?»

Вернувшись в Корраль Аберто, Орасио Коста по-новому воспринимает весь ужас «красного города»: в нем растет протест против чудовищной несправедливости, постепенно зреет решимость помочь своим товарищам по несчастью. Костита незаметно становится центральной фигурой в Корраль Аберто. К нему стекаются жители всего поселка, к нему словам прислушиваются. Обитатели мрачного «красного города» начали чувствовать необходимость «сплотиться в тесную группу, сомкнуть ряды... объединиться». С появлением Коститы у них родилось «крепкое братство».

загает, что в случае, если террор продлится еще несколько месяцев, группа офицеров кубинской армии, возможно, вынуждены будет отказаться от своей власти «для блага Кубы». Иначе говоря, имеется в виду очередной военный переворот. Однако это это за офицеры, программе станут его участниками? Какую программу смогут они предложить для улучшения жизни народа, смогут ли они гарантировать права всем гражданам, обеспечат ли они свободу деятельности политическим партиям, включая и самые левые, займут ли они хотя бы внешне достойную позицию по отношению к империалистам?

В марте 1952 года Батиста захватил власть в результате вооруженного переворота против президента Прио Сокарраса, когда последний окончательно скомпрометировал себя, явно и полностью предавшись янки. Батиста тоже давал обещания, что его правительство «это не законное рождение дитя, появившееся на свет вопреки конституции, — сделает все «для блага Кубы». Результаты налицо. Ни одно из зол свергнутого правительства не было исправлено, и, более того, его пороки, подобно раковой опухоли, чудовищно разрослись, дав отпрыски в разные стороны.

Тирания Батисты должна рухнуть, так как она прогнила до самых корней. Но кубинскому народу ровным счетом ничего не даст переворот, который приведет к замещению одной военной клики другой военной кликой с такими же, как и у ее предшественницы, завидующими глазами и загребущими руками. Известно, что полиция, издавна проводившая янки не только на Кубе, но и на всем латиноамериканском континенте, состоит в том, чтобы использовать в своих интересах whatsoever диктатора-марионетку до конца, пока он не проглотит окончательно и не утратит всякую ценность для империализма. Тогда в руки берут другую кулаку, но и тут всегда обнаруживаются нитки, на которых пляшет очередной лакей.

Кубинский народ хочет свободных выборов в подлинно демократической обстановке: без неприятных визитов агентов СИМ — этого кубинского варианта ФБР, без убийств и таинственных исчезновений людей, без всего того, что превращает остров Кубу в подлинный ад. Кубинский народ хочет всего, в чем ему тридцать лет тому назад отказал Мачадо, а теперь отказывает Батиста. Но народ хочет добиться этого не с помощью какого-нибудь закулисного переворота, не в результате маневра, предпринятого Вашингтоном, а силами широкого фронта, который объединил бы все прогрессивные силы страны и положил конец тирании.

Заключительные главы романа менее удались автору. Создал замечательный образ Коститы-подростка, автор не показывает затем самого процесса формирования его сознания. Молчание, на которое обрек автор своего героя, не позволяет нам видеть во всей полноте душевные переживания Коститы.

Заснувшего на берегу реки Костите снится, что обитатели Корраль Аберто покинули свой «красный город» и, обезображенные болезнями, непосильным трудом и голодом, двинулись огромной серой массой, «демонстрируя зачумленных». Они похожи на видения горячего сна.

Колонна страшных призраков направляется к станции. Поезд едва вмещает всех жителей Корраль Аберто, набирает скорость и мчится вперед. Костита медленно идет по вагонам, вглядываясь в лица пассажиров, которых он так хорошо знает. Проходя мимо, Коста вспоминает историю каждого из них. И что это за истории! Болезни, страдания, непосильный труд, обманутые надежды. «Этот Либриво, — говорит себе Коста, останавливаясь около слепого мальчика, — ему семь лет. До шести лет он прожил, привязанный к столбу. Еще и сейчас видны следы от веревки на его ножке... Его привязывали потому, что мать должна была целый день стирать белье». «Этот Клодина, прачка, моя мать, — продолжает Коста. — От зари до зари она стирала, склонившись над водой, ее руки зномят, мой отец все время толкает ее, кто-нибудь из нас родится на дороге. И действительно, я родился на берегу ручья».

Куда же мчится этот фантастический поезд? Автор не отвечает на этот вопрос. Поезд несется вперед, колеса весело постукивают, пассажиры полны надежд. Впереди — будущее. И оно должно быть лучше сегодняшнего дня. Оно будет лучше, ибо дух протеста, дух борьбы овладеет «красным городом» — Корраль Аберто.

Е. КОЛЧИНА

Международная почта

Нет Уилларда, но есть Роберт!

ЭТА история произошла в конце 1955 года. Подкомиссия американского сената по вопросам внутренней безопасности, руководимая сенатором Истриндом, с ожесточением занялась исследованием мирового «коммунистического заговора» в американской прессе. Какой-то клеветник прислал подкомиссии письмо, в котором утверждал, что «некто по имени Шелтон» — член коммунистической группы, будто бы существующей в редакции газеты «Нью-Йорк таймс». Сенаторы решили, что речь идет об Уилларде Шелтоне, статьи которого, критикующие их деятельность, они встречали. Тут же в «Нью-Йорк таймс» была отправлена повестка, предлагавшая Шелтону без промедления явиться на заседание подкомиссии.

Уиллард Шелтон работает в профсоюзной газете «СЮ-АФНьюс»; естественно, что его в редакции «Нью-Йорк таймс» не оказалось. Зато нарочный, посланный сенаторами, выяснил, что там есть Роберт Шелтон. Не долгая думая, он передал в повестке «Уиллард» на «Роберт».

Так Роберт Шелтон, мелкий технический работник «Нью-Йорк таймс», предстал перед подкомиссией по вопросам внутренней безопасности. Не чувствуя за собой ника-

НЕ В БРОВЬ, А В ГЛАЗ — Почему разговоры о разоружении всегда кончатся увеличением нашего военного бюджета?

кой вины и будучи оскорблен этим вызовом, Шелтон категорически отказался отвечать на вопросы сенатских расследователей. По новости он согласился на поправку в конституции, гарантирующую свободу слова и печати. Не помогло! Его обвинили в неуважении к конгрессу и привлекли к суду.

И вот недавно наступила развязка... Как сообщает американский журнал «Таймс», в конце января этого года дело Роберта Шелтона слушалось федеральным судьей Ризли в Вашингтоне. Напрасно защитник доказывал, что подкомиссия расследование было незаконным, что сенаторы имели не больше оснований допрашивать Шелтона, чем любого «шелтона» на улице.

На поединке Шелтон и заявители, что «не подлежат никакому сомнению» лояльность Шелтона, прошлое которого хорошо известно руководителю «Нью-Йорк таймс», что в этой газете не стали бы терпеть человека, если бы в нем сомневались.

Горячие речи защитника не оказали влияния на судью, стоящего на страже интересов «сохотников за вельями». Его приговор гласил: «Шесть месяцев тюремного заключения и штраф в 500 долларов»...

ФАЛЬШИВЫЕ «МЕМУАРЫ»

Буржуазная печать Запада, развращенная кампанью лжи и клеветы о Венгерской республике и Советском Союзе, опубликовала так называемые «мемуары кардинала Миндсента». При ближайшем рассмотрении оказалось, что «мемуары» не принадлежат перу самого кардинала. Затем выяснилось, что существуют два варианта мемуаров. И, наконец, было установлено, что «варианты» противоречат друг другу. Заметил это французский буржуазный еженедельник «Экспресс».

Автор первой версии — венгерский священник Йозеф Вешей, «друг и поверенный кардинала», пригретый американской газетой «Нью-Йорк геральд трибюн» и французской газетой «Фигаро». Второй вариант мемуаров в изложении журналиста Лесли Балог Бэйна увидел свет на страницах американского журнала «Лук» и французской газеты «Франсуа».

Сравнив обе версии «исповеди» Миндсента, «Экспресс» заявил, что «их разделяет пропасть».

Газета «Фигаро» так описывает, например, бегство Миндсента в американское посольство в дни, когда силки венгерской контрреволюции уже терпели поражение. Кардинал принял участие в заседании правительства, происходившем в здании парламента. Там он получил совет «бежать в американское посольство», так как «коммунистические войска уже приближались к зданию». Кардинал, сняв сутану и переодевшись в штатские платье, в сопровождении трех молодых людей вышел из парламента и благополучно прибыл в посольство США.

Совсем по-другому выглядит тот же эпизод в газете «Франсуа». Кардинал не присутствовал на заседании парламента и не сбрасывал сутану... Вместо этого газета убогает читателей историей о том, как на пороге парламента Миндсенти и его спутник подверглись нападению двух свирепых представителей «страшной тайной полиции». Затем подробно описывается «погоня за кардиналом», его бегство на автомашине, доставившей его в банк, откуда якобы уже велась дальнейшие переговоры с американским посольством.

«Оба эти свидетельства, как мы видим, значительно отличаются друг от друга», — констатирует «Экспресс». Не возражая против существа возводимой клеветы, редакция «Экспресс», вероятно, просто не стерпела грубой работы своих коллег по перу...

«У каждого — своя истина», — делкатно озаглавил свое разоблачительное выступление еженедельник «Экспресс». Вернее было бы сказать: «Сколько лжецов — столько разновидностей лжи».

ЗА ЧТО ПЛАТЯТ

Выходящий в Западной Германии журнал «Штимиан дер юнген герациян» сделал недавно не лишнее интереса разоблачение. Оказывается, бонновское министерство по общегерманским вопросам, возглавляемое Якобом Кайзером, «заявило о своей готовности финансировать специальный номер «Дейче штуденцен-тунг», посвященный Венгрии, при условии, что события в Египте не будут затронуты».

Примечательный факт! Определенные круги ФРГ не жаждут средств, чтобы отвлечь внимание немцев от империалистической агрессии на Ближнем Востоке и ее последствий, а вместе с тем раздуть антисоветскую шумиху.

Министерство, призванное решать вопросы объединения Германии и многие другие общенациональные проблемы, казалось бы, имеет достаточный круг обязанностей. Но на практике оно занято тем, что, как пишет берлинская демократическая газета «Дер морген», финансирует замалчивание египетских событий и дает взятки для клеветы на Венгрию и Советский Союз... Странное предствление о решении общегерманских дел!

ДВОИТСЯ В ГЛАЗАХ...

Рис. из газеты «Ричмонд таймс-диспетч» (США).

ШКОЛА ВРАНЬЯ

ДИЛЕТАНТЫ по части антикоммунистического вранья, желающие обогатить опыт и повысить квалификацию, напали, можно сказать, на золотую жилу. Они получили наставление, как надо врать от беспорочного авторитета в этой области — Эрнста Лангендорфа, одного из ведущих враней радиостанции «Свободная Европа» в Мюнхене.

Обобщая свою обширную практику и поднимая ее до ослепительных «теоретических» высот, Лангендорф в речи на монашеском собрании «Либерального объединения» дал принципиальное обоснование лжи.

«На войне можно лгать и обманывать», — заявил он, — нужно только стараться не быть пойманным. Ловкая и умная пропаганда в восточном пространстве и сегодня будет иметь большое значение».

Итак, этот истый либерал в духе «свободного мира» — за полную и неограниченную свободу лжи «в восточном пространстве». Врать, по Лангендорфу, можно до умопомрачения, но желательно не продлевать это ловко.

Попало от Лангендорфа гамбургской газете «Ди вельт», которая писала о подстрекательской роли радиостанции «Свободная Европа» в дни контрреволюционного мятежа в Венгрии. «Общественность требует, — негодовал он, — государственного контроля над радиостанцией. Государственный контроль привел бы к уменьшению нашей действительности и нашего влияния в коммунистических странах. Он подрезал бы нашу деятельность».

Именно этого и требует прогрессивная мировая общественность: положить конец гнусным провокационным просякам радиостанции «Свободная Европа», ликвидировать мюнхенскую школу радиовранья, угрожающую миру в Европе.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО ОБЪЯВЛЯЕТ ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Для лиц, имеющих законченное среднее образование и опыт практической работы, желающих поступить в институт в 1957 г.

На творческий конкурс принимаются повести, рассказы, очерки, поэмы, пьесы, стихи, критические статьи и художественные переводы с татарского и армянского языков. Неопубликованные произведения должны быть перепечатаны на машинке. Произведения, написанные не на русском языке, должны сопровождаться подстрочным переводом, а художественные переводы — оригиналом.

Автор произведения, принятое на конкурс, должен сообщить свой возраст, профессию, стаж трудовой деятельности, какое учебное заведение окончил, национальность, партийность, с какого времени пишет, на каком отделении (основном или заочном) желает учиться и точный домашний адрес.

Срок присылки произведений на творческий конкурс — до 25 мая.

О решении Конкурсной комиссии авторы произведений уведомляются не позднее 15 июня.

Лица, выдержавшие творческий конкурс, имеют право подать заявления и документы для поступления в институт и допускаются к приемным экзаменам в установленные для вузов сроки.

Произведения, отклоненные Конкурсной комиссией, возвращаются. Рецензии не высылаются.

Адрес Конкурсной комиссии: Москва, К-104, Тверской бульвар, 25.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Е. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Е. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.